

Иван Сирфидов

Поцелуй Феи

Книга 1. Часть 4

16+

Иван Сирфидов

Поцелуй феи. Книга 1. Часть 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63412816

SelfPub; 2020

Аннотация

Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу. Возможно, среди них был тот, о ком рассказ мой речь ведёт. Другими словами, вот вам очередная порция приключений Лалы и Руна.

Содержание

Глава 1. В пути	4
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Иван Сирфидов

Поцелуй феи.

Книга 1. Часть 4

Глава 1. В пути

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но это в других сказках, а в нашей всё ровно наоборот, сказка сказывается, сказывается, а конца и края ей нет, зато дела у наших героев идут своим чередом, приближая их лесное путешествие к неизбежному завершению. Где-то далеко позади остались родная деревня Руна, чудесное озеро с русалками. Вокруг уже не одну неделю был только лес. Когда ты с тем, кто тебе очень по сердцу, время летит незаметно. Кажется, путь должен утомлять, но вот как бы не так. День проходил за днём, и каждый приносил новую радость просто быть вдвоём, говорить о разном, шутить, смеяться, что-то делать вместе. Ну и конечно обниматься, дарить тепло и нежность друг другу. Рун и Лала оба погрузились в своё счастье с головой и наслаждались им, позабыв обо всём на свете. Лала привыкла к состоянию счастливого умиротворения, словно растворилась в нём. Лесная уединённость даровала ей то, к чему так стремилась её душа. Не было рядом

строгой бабушки Иды, запрещающей спать вместе ночью, не было чужого люда, вынуждающего к сдержанности в отношениях с женихом днём. Никто их боле не разделял, и от этого ей было хорошо и уютно. В какой-то момент она попыталась словно воспротивиться счастью, мысленно укоряя себя – ну как же так, в чужой стране, проклятая, надо бы грустить, тоскуя по дому, а ей столь замечательно. Но быстро смирилась с тем, что не понимает своей природы. Разве это так важно, понимать, отчего счастлива, когда счастлива? Просто приняла всё, как есть, и себя ту, какая есть. Нет в природе фей ничего дурного, и в сердечной близости с кем-то дурного тоже нет, а потому нет и причин не принимать себя. Так она... не рассуждала, скорее чувствовала, и доверяла этому чувству. Что до Руна... тут всё вполне ясно и без слов. Юноша, с девушкой, которая ему бесконечно нравится, вдвоём, после безумно длинного упоительного свидания на озере, она счастлива с ним, ласкова, что ещё надо, чтобы слегка потерять голову? Он понимал: рано или поздно всё закончится. Жизнь не провести в скитаниях по лесам. Вот выйдут они к людям. И там уже особо не пообнимаешься, и о сне в обнимку снова придётся забыть, а ещё настанет время принимать сложные решения, Лале нужен рыцарь, а не крестьянин, это очевидно. Но к чему терзать себя неизбежным, он старался не думать о том, что ждёт впереди, наслаждаясь тем, что есть сейчас. А сейчас он был счастлив. Так, как никогда и не представлял, что люди могут быть счастливы. И

это длилось уже долго. Очень долго, недели и недели.

Наступило утро нового дня, светало. Рун и Лала проснулись, но вставать им ещё не хотелось. Как всегда, после ночи объятий Лала была переполнена радостью бытия. Светилась. Рун глядел на неё, любуясь, она поглядывала на него, чувствами приятными исполнено.

– Эх, просыпаться бы так всю жизнь, – улыбнулся он. – Всякий раз. С тобой. Но я и так счастливейший из смертных.

– Ах, любовь моя, я часто думаю, как же мне повезло. Что у меня есть ты. Что встретила тебя. Удивляюсь этому прямо, – поделилась с ним Лала своими светлыми переживаниями. – Я тоже счастливица. Не каждой девушке так везёт.

– О да, – рассмеялся Рун. – Действительно, страшно повезло. Встретила деревенского парня. Прямо принц. Только без замка, земель, короны, денег и одежд шикарных. А так один в один. Боги к тебе явно благоволят.

– Встретила самого доброго, славного, милого, надёжного. Того, кому могу себя доверить без остатка, – молвила она, лучась приветливостью и всем своим девичьим очарованием. – Нежного. Избранника небес, которому дарована судьбою. Полагаешь, принцы могут таким похвастать?

– Оказывается, я столь хорош? – с юмором подивился Рун. – Тогда надо будет себе фею покрасивей поискать.

– Дурак! – обижено воскликнула Лала, надувшись.

– Ласточка моя, ну я же шучу, шучу, – поспешил объяс-

нить он мягко. – Я думал, ты поймёшь. Ведь сама мысль найти кого-то прекраснее тебя... Безумна! Так не бывает. Нету в этом мире других девиц подобной красоты. Да что девиц, бери и выше. Уверен, даже ангелы с небес, когда взирают на тебя, рыдают, от зависти такому совершенству. С каким им не сравниться никогда.

Это не был комплимент. Это были абсолютно искренние слова, произнесённые не без доли красноречия, порождённого пылом любящей души. Глазки Лалы радостно заблестели.

– Прощён! Почаще б мне такое говорил. Была бы счастлива.

– Не бард я, к сожаленью, Лала, – посетовал Рун. – Красивый слог даётся тяжело. Ещё один мой грустный недостаток.

– У бардов сердце переменчивей погоды, – возразила Лала. – Сегодня оды для одной поют, а завтра для другой. Нет уж, будь Руном, но моим лишь только. Я счастлива и так, когда ты рядом.

– Да вижу уж. Как солнышко сияешь.

– Рун, я тебя люблю, – сказала Лала очень тепло.

– Я знаю, – отозвался Рун по-доброму. А потом добавил, – Только не знаю, как. Как друга?

Он покосился на неё с ироничным деланным осуждением, ожидая ответа.

– Друзей не обнимают. Так часто и так нежно, – проронила Лала умиротворённым голосом, улыбаясь.

– Когда-то ты мне запрещала нежность, – напомнил он благодушно.

– Тогда не влюблена была, – поведала Лала. – И магии хотела лишь. Сейчас хочу объятий. По-моему я наконец стала истинной феей объятий.

– Что-что? – живо заинтересовался Рун. – Влюблена?

– Ну... да... Люблю, – аккуратно подтвердила Лала с хитрецей на личике.

– Нет, ты меня не путай. Так всё-таки влюблена или любишь? – проявил настойчивость Рун.

– Есть разница?

– Конечно. Любить возможно что угодно. Свой дом. Другой. Грибы. Свою собаку.

– Ты прям меня пытаешь, Рун.

– Да, я жестокий.

Лала пристально посмотрела ему в глаза с ласковой улыбкой. И вздохнула.

– Пожалуй, влюблена. Хоть так не может быть.

– Ага! – полушутливо восторжествовал Рун.

– Ну, львёнок, тут такой запутанный клубок чувств. Ну как в них разобраться? Это невозможно, – честно призналась Лала. – Я счастлива от магии твоей. И от твоих объятий тоже. Тепло сердечку от того, что ты хороший. Что бережно относишься ко мне. Что добр и нежен. Что всё время рядом. Что дорог стал. Ты вроде бы мне друг. Но друг столь близкий... Суженого ближе. И разве можно ощущать к

друзьям так много нежности, как я к тебе питаю? Однако ж нежность свойственна девицам. Она естественна к тому, кто очень близок. Но нежность территория любви. Вот и поди попробуй разберись. Если клубок всех этих чувств смешать, и не пытаться вникнуть в суть их, выйдет, я влюблена. Безмерно. Бесконечно. А если пораспутывать слегка... Но надо ли распутывать? Не знаю. Ведь чем бы оно ни было по правде, оно прекрасно, это чувство. Эта как будто бы любовь. Я собираюсь просто наслаждаться. Ей и тобой, и тем, что между нами. Мой милый зайныка.

– Вот, Лала, я же говорил. Объятыя не доводят до добра, – произнёс Рун с нотками лёгкого сожаления в голосе. – Не должно обниматься так как мы. Тем, кто не пара и не сможет пожениться. Объятыя порождают близость. А близость порождает нежность. А нежность пробуждает и любовь.

– Ах, Рун, ты слишком упрощаешь, – не согласилась Лала. – По-твоему, кого не обними, то тут и влюбишься? Нет, котик, здесь иное. Всё дело не в объятыях, а в проклятье. Оно катализатор наших чувств. Оно препятствует тебе меня любить так, как обычно свойственно мужчинам. В тебе ко мне нет страсти, совершенно. Есть чистая любовь, и всё. Когда бы было по-другому, прикосновения ко мне рождали бурю. В твоей крови. Они бы жгли тебя. И потому объятыя меж нами... уже бы не могли быть столь невинны. Рун, ты хороший. Я не сомневаюсь, ты всё равно меня бы не обидел. Но ты б иначе вёл себя со мной. Иначе бы смотрел, иначе

прикасался. Совсем иначе. Этого не скрыть. И я уж не могла бы столь беспечно ложиться спать в твои объятия. Я б не рискнула доверять себя тебе. Так беззаветно, всю что есть, до капли. И не было бы близости такой. И нежности бы значит не возникло. Не говоря уже о том, что я могуществом была б поглощена, его безмерной красотой, и мне бы было не до нежностей с тобой.

– Гляжу я, тот, кто тебя проклял, очень добрый человек, – усмехнулся Рун. – Такой подарок сделал.

– Тебе так точно да, – сияя, заметила Лала. – Он подарил тебе меня. И мои чувства. Но он хотел мне зла, в этом нет сомнений. И я в опасности здесь. Знаешь, Рун, самое забавное. Что феи не могут любить людей. Благодаря чему и я совершенно не способна вспылать к тебе страстью. У нас очень странная любовь. Она ангельская. Чистая, как горный хрусталь. Так ангелы наверное любят друг дружку. Это любовь двух душ. Желание быть вместе. Согреть. Радовать. Возможно мы единственные в мире. Не ангелы, кому дано такое испытать. Это чудо, какое не подвластно даже феям. Давай это ценить, Рун, ладно? Это что-то очень хорошее.

– Да я ценю, – отозвался Рун беззлобно. – Я-то уже давно тебя люблю. Хоть ты и утверждала, что нет, что мне проклятие мешает. И знаешь, у меня-то нет «клубка». Нет магии и счастья от неё. Мне ничего распутывать не надо. Моё счастье только от тебя. Моя красавица.

– Твоя, твоя, – тихо сказала Лала, положив голову ему на

грудь. – Теперь твоя.

Они замолчали. Просто лежали, каждый размышляя о чём-то своём, с улыбками, чувствуя тепло друг друга. Утренний лес, как всегда, был полон звуков птичьего пения, ароматов свежести, лесных трав и хвои. Это дарило ощущение мира и безмятежности.

– Лала, – позвал вдруг Рун задумчиво.

– Что, мой славный?

– Получается, твоё сердце как бы и свободно.

– Ты о чём? – не поняла она.

– Ну, раз ты не можешь полюбить меня, как полагается. Из-за того, что я человек. Раз это какая-то не та любовь. Та ведь бывает только одна. Значит, если мы, допустим, встретим кого-то из ваших краёв, любого мужчину, есть шанс, что в тебе пробудятся чувства, ты вспыхнешь к нему. Бац, и всё, и Рун забыт. Сердце-то твоё мной не занято.

– Ой, Рун, а ведь так и правда может быть, – Лала аж села от удивления. – Истинная любовь всё побеждает и всё затмевает.

– Вот тебе и ангельская любовь, – вздохнул он. – Какая-то она... ненадёжная.

– Я бы этого не хотела, мой смелый лев. Будем надеяться, что этого не произойдёт, – приободрила его Лала.

– Не хотела бы полюбить? Не верю, – озвучил свои сомнения Рун.

– Ну, милый, зачем всё так усложнять? – ласково посмот-

рела она на него. – Придумывать себе что-то и переживать из-за этого. Сейчас всё замечательно, правда ведь? Я тебя люблю. Разве этого мало? Я уже жила в своей стране, как ты помнишь. И что-то ни к кому не воспылала. С чего ты взял, что вдруг воспылаю к первому встречному из нашего мира здесь? Которого к тому же надо ещё и умудриться встретить. Я люблю тебя. Я счастлива. Зачем мне хотеть сейчас влюбиться в кого-то другого? Я постараюсь не влюбляться, за-инька. Правда.

– Прости, малышка, – повинился Рун. – Просто... так не хочется потерять тебя.

– Тогда и не теряй, глупый, – с нежностью сказала Лала. И вдруг её личико стало очень озабоченным. – Ой, Рун, а ведь это и про тебя верно. Из-за проклятья твоё сердце тоже свободно. Увидишь девушку какую, она тебе состроит глазки, и всё, и ты потерян для меня. Одна, без магии, без объятий. Без возлюбленного. Беззащитная и несчастная. Останусь.

– Так не будет, – покачал он головой.

– Будет, Рун, – опечаленным голоском возразила Лала. – Это ваш мир, тут кругом ваши девушки. Это хорошо, пока мы в лесу всё больше. Или в вашей деревне, где все к тебе дурно относились. Мне тебя никак не удержать.

На последних словах она совершенно пала духом. В её взгляде отражались бесконечное огорчение и испуг.

– Лала, я тебя не брошу ни за что, – твёрдо заверил Рун.

– Конечно! – с горькой иронией отозвалась она. – И бу-

дешь обнимать при той, что любишь? И будешь чувствовать ко мне такое, что магию в объятьях пробуждает? Когда все мысли лишь о ней? Ты, Рун, хороший, но тебе придётся выбирать. И твоё сердце выберет другую.

– Но я же не влюблялся до тебя.

– Ты жил в лесу, в кого бы ты влюблялся? В медведицу? – Лала отодвинулась от него, с подавленным видом.

– Лала, ну что ты, милая, – Рун привстал, попытался обнять её, но она не далась.

– Лала, – попросил он ласковым тоном.

– Не прикасайся ко мне! – гневно и обиженно воскликнула она. – Уходи! Знать тебя не хочу!

У Руна дрогнули губы, лицо стало отрешённым. Он поднялся и направился вглубь леса. Лала в его сторону даже не посмотрела.

Отойдя шагов может на сто, может на двести, Рун наконец остановился. На сердце у него было тоскливо, темнее тёмного. Он опустил наземь меж деревьев, уставившись в одну точку невидящим взором. Думы думал невесёлые. Вот как так может быть? Вроде бы только что душа от счастья пела. И на тебе, аж бедная саднит, аж ноет, аж огнём жжёт, столь ей тяжко. Безумие. Ну до чего всё странно, когда ты с девушкой. Ни в жизнь не угадаешь, каких ещё сюрпризов ожидать.

Внезапно подле него появилась рысь. Застыла на месте, изучая внимательными глазами. В любой другой момент он

был бы изумлён и, пожалуй, испуган, несмотря на договор со зверьми. Рысь существо опасное, даже медведь, тот, с кем договор заключали, выражал сомнения на их счёт. Но сейчас Рун был так занят своими печальями, что никаких внутренних реакций в нём даже не возникло.

– Вот, – жалостливо обратился он к четвероногой гостье. – Рассердилась на меня. Ни за что! Разве я в чём-то виноват!? Нет. Вот так фея.

Рысь подошла вплотную, лизнула его в лицо, и затем села рядом.

– Хоть кто-то мне рад, – грустно заметил Рун. – Спасибо. Почему мне так плохо? И всегда из-за неё. И хорошо, и плохо, и счастлив, и несчастен, всегда лишь из-за неё. Навяждение какое-то. Так и кидает из крайности в крайность. Не зря говорят: «от любви до ненависти один шаг». Только это не совсем верно, по-моему. Нельзя возненавидеть того, кто столь дорог. Я бы сказал, в любви от нежностей до ссоры один малюсенький шажочек. А вот обратно путь неблизкий порою может оказаться. Особенно, коль нет виновных, и не за что просить прощенья. В прошлый раз кое-как помирились. Ито не без посторонней помощи. А теперь как будем? Вот вернусь я сейчас к ней, а магии-то нет. И станет на меня обижаться уже за это. Рассоримся ещё сильнее. И как потом мириться? В объятьях? Как они могут помочь, если лишь чувства горькие в нас будут пробуждать друг от друга? Если бы во мне была магия, Лала стала бы счастлива, и всё дурное

сразу позабыла. Но магии-то нет. Всегда исчезает, когда расстроен из-за неё. По-моему, это конец. Уж не вернуть того, что было между нами. Близость держится на доверии, а если оно уходит... Это вот как с вашим братом, со зверьми. Ты сейчас со мной, потому что веришь, что не обиду. А обидь я тебя хоть раз, и уже не подойдёшь никогда боле. Правда же?

Рысь продолжала смотреть на него спокойно. Рун погладил её.

– Значит мы всё же не подходим друг другу, – возобновил он свой печальный монолог. – Постепенно же узнаёшь человека. Ну, или фею. Какое-то несовпадение у нас есть. Так-то я счастлив с ней. Очень. Чего уж тут отрицать. Я и не представлял, что столько счастья бывает на свете. Но это когда она мила со мной. А когда я в немилости... И ведь не в первый раз размолвка между нами, вроде бы должен уж привыкнуть, а всё ровно наоборот. Прямо мир рушится как будто. Странно, что настолько тяжело. Знаешь, у меня обычно душа в такой броне, в локоть металла толщиной, не прошибёшь и не поцарапаешь, хорошо приучили в деревне оберегать себя от обид. Даже самое злое слово с меня как с гуся вода. Но от Лалы у меня защиты нет почему-то. Нисколько. Поэтому как сердится, так ой-ёй-ёй. Невыносимо.

Он замолчал. Рысь приблизилась к нему, упёрлась лбом в лоб, словно говоря: «я с тобой, приятель, держись», а потом улеглась, как бы показывая, что никуда не спешит. Рун подумал, подумал, и тоже лёг, повернувшись к ней. Погладил её

по спине, впрочем, даже не осознавая, что делает это, будучи погружен в свои мысли и переживания. Улыбнулся чему-то грустно, но его улыбка быстро угасла.

– Призналась мне в любви сегодня, – снова нарушил он тишину. – Только в ангельской. И что это? Это любовь вообще? Зачем она, если она такая, какой в ней прок? Впрочем... я наверное путаю причины и последствия. Прок в ней хороший, это тоже стоящее что-то, просто оно не располагает к желанию быть всегда вместе, пока смерть не разлучит. Во всяком случае, фей. Наверное, для неё это нечто вроде сильной-сильной дружбы. Крепкой привязанности сердечной. Это тоже замечательно. Но я-то не фея. Для меня то, что я к ней чувствую, это никакая не дружба. Тяжело так. Особенно, как ссоримся. Тогда тяжело настолько, что кажется, может лучше уж всё-таки без этого, чем так мучиться? А у меня есть выбор? Ведь её нельзя оставить одну, пропадёт. Кто кого поймал, вот в чём вопрос. По-моему всё же она меня.

Минута проходила за минутой. По набравшему дневную яркость небу плыли редкие белые облака, путешествуя в дальние дали. Где-то рядом у уха деловито прожужжала букашка. Рун вдруг словно очнулся от забытья, осознав, что уже немало времени здесь. Сразу забеспокоился. В ссоре они с Лалой или нет, хочет она знаться или нет, кто-то должен её оберегать. Тут же вспомнились злые люди, нападавшие в

начале пути. В довершение ожгла виной мысль: «не решит ли, что бросил»? Он сел. Вздохнул тяжело, переведя взгляд на свою рыжеватую пушистую подругу:

– Пойду обратно. Поди уже не сердится.

Рысь неспешно поднялась. Потянулась. Занятная животи́на, задние лапы длиннее передних, потому так и кажется, будто опустилась на четвереньки. Рун погладил её и тоже встал.

– Спасибо, что составила компанию. Ты добрая, – искренне поблагодарил он её. – Хоть не был один. Не хочу больше быть один. Странно, да? Всегда был, а теперь не хочу. Отвык уже.

Рысь потёрлась о его ногу и медленно направилась прочь. А он торопливо зашагал назад к месту ночёвки. Ещё издали нос его отчётливо уловил запах грибной похлёбки. Рун удивился про себя: надо же, неужто Лала сама стала готовить? Вышел к ней, а она и правда возится у котелка, помещивая варево. Увидела его, расцвела тёплой обрадованной улыбкой, сразу вспорхнула, полетела навстречу.

– Рун, ну где ты был так долго? Я волновалась. И страшно одной, – её голосок был полон чувств приятных, облегчения и ноток мягкого жалостливого укора.

– Прости, – тихо промолвил он.

Лала прижалась к нему. И тут же улыбка медленно сошла с её личика, заменившись расстроенным разочарованием.

– Рун, ты что, обиделся на меня? Магии нету совсем ни-

сколочко, – растерянно спросила она.

– Нет, – спокойно ответил он. – На что мне обижаться?
Лала посмотрела ему в глаза с грустью. И отстранилась.

– Иди кушать, Рун. Пока горячее.

– Иду.

Он побрёл к костру. Снял котелок с огня, уселся наземь. Помешал дымящуюся паром жижу, испускающую аппетитные ароматы. Лала опустила чуть в сторонку на его куртку. Поглядывала на него опечаленно. В глазах её всё сильнее разгоралась обида. Рун подул на ложку, отправил в рот. Вкус был несколько странным. Однако весьма недурным. Всё отлично проварено, нисколько не подгорело. Идеально посолено. Не чересчур жидкое, не слишком густое. Прекрасное походное яство.

– Ты молодец, – сдержано, но чистосердечно произнёс Рун, покачав головой. – Похлёбка удалась на славу. И костёр сама развела. И грибы почистила. И нарезала. И всё без магии?

Он не обвинял и не шутил, просто интересовался, выказывая уважение её кулинарным успехам.

– Так спрашиваешь всегда, будто я скажу тебе правду, – буркнула Лала.

– Ну, это же не при мне было. И формально не для меня, ты ведь и для себя готовила, – поделился мыслью Рун. – Сегодня можно и правду сказать. Ничем для тебя не чревато.

– Нет! – с чувством возразила Лала, обозначая так своё

отношение к правде в подобных делах.

– Ну, понятно.

Он ел, а Лала глядела на него, пребывая в удручённой задумчивости.

– Рун, а если бы я сейчас наколдовала, – вдруг заговорила она. – При тебе и для тебя. Ты бы меня оштрафовал? Или теперь тебе от меня ничего не надо. Такого?

В каждом её слове отчётливо различались обида и упрёк.

– Ты о чём? О том, хочу ли я твоих поцелуев? – осведомился Рун аккуратным тоном.

– Ну... да.

– Сейчас точно нет, – честно ответил он. – Я бы записал тебе в долг. С надеждой, что мы когда-нибудь помиримся. И тогда я с удовольствием приму и вторую жертву. Зачем она мне сейчас? Что приятного получить её, когда мы в ссоре?

– Так мы всё-таки в ссоре, Рун? – обвиняюще задала вопрос Лала.

– Поссорились с утра, – кивнул он. – Только не знаю, из-за чего.

– Но ты утверждаешь, что не обижен.

– Лала, ты не обязана быть со мной мила, вот в чём суть, – поведал Рун. – Если бы я на тебя обижался, что ты не мила, я... ну... это было бы очень самонадеянно с моей стороны. Ты фея, высшее создание, я человек-простолюдин. Сердишься на меня непонятно за что, имеешь полное право на это. Кто я такой, чтоб требовать к себе иного?

– Ты нехороший! – огорчённо и не без капельки возмущения заявила Лала.

– Прости, если я тебя чем-то расстроил, – с искренним сожалением попросил Рун. – Я точно не со зла.

– Эх ты!

После этого они очень долго не разговаривали.

***

Приблизительно через час пути Рун устроил привал. Попалась полянка с ручейком – удобное место, хороший повод передохнуть. Постелил Лале куртку, сам набрал воды во фляжку, помыл котелок, и уж потом тоже сел неподалёку, прислонившись спиной к стволу большого дерева. Лала поглядывала на него с грустным личиком, задумчивая. От её печали ему было тоскливо было на душе. Чувствовал себя виноватым. Вспоминал, как ещё недавно были счастливы оба. Столько упоительных дней. И вот, всё ушло. И ничего не сделаешь.

– Рун, хочу в объятья, – просяще произнесла вдруг Лала жалостливым голоском.

– Ну... если тебя устроит, что без магии, – отозвался он тихо.

– Причём тут магия, Рун? – с мягким искренним непониманием молвила Лала.

Он встал, проделал несколько разделявших их шагов, уселся рядом, прижал её к себе. Она вздохнула.

– Чутьочку-то есть. Оттаял уже немножко? Или пожалел меня снова?

– Мне жаль, что ты грустишь. Тяжело от этого, – признался Рун.

– А помнишь, как ты меня поймал? А я сидела и ревела.

– Конечно помню, – улыбнулся он. – Такое не забудешь.

– Тоже пожалел меня тогда? Поэтому отпустил?

– Наверное.

– А если б я не плакала? Ты бы отпустил меня?

– Думаю, да, – пожал он плечами. – Кто я такой, чтоб властвовать над феей.

– Другой не отпустил бы.

– Ну... мне всё равно. Всяк живёт своим умом.

– Рун, ты сейчас мне делаешь очень больно, – поведала Лала опечаленно. – Почему ты не можешь меня простить? Ведь пары ссорятся, а после мирятся. И всё. Рун, я люблю тебя. Всем своим сердечком. Неужто этого мало? Прости меня пожалуйста.

– Лала, но я не обижаюсь на тебя. Пойми же, – с добрым сожалением объяснил Рун.

– А что тогда, Рун? Что-то же не так?

– Лала, представь. Вот ты переодеваешься. А я беру и поворачиваюсь. И нагло на тебя смотрю, нисколько не стесняясь. А после говорю: «прости меня, ведь я тебя люблю». И ты простишь? И будет всё как раньше меж нами? Вряд ли, правда? Есть вещи, что нельзя вернуть назад. Не выйдет ни

словами, ни делами. Они произошли, и всё, конец. И чувства вроде есть, но... нету веры.

– Рун, твой пример с переодеванием, это страшно, – поглядела на него Лала в растерянности. – Это жестоко очень. Неужто я настолько жестоко с тобой поступила?

– По мне так словно меч всадила в грудь. По рукоять. И стала им там двигать. Причём так неожиданно. В любви призналась. И тут бац.

– Так было больно?

– Ну... как бы... тяжело.

– Ах, Рун, израненный мой лев. Опять я прикоснулась слишком грубо. И ты страдаешь.

– Ну, Лала, ты уж тут распишешь. Аж стыдно, – смущённо улыбнулся Рун. – Я нисколько не изранен. Какой я лев? И не страдаю так уж. Привычно всё это. Просто...

– Я понимаю, Рун. Того, кто причиняет боль, сердечко любить боится. Твоё теперь меня боится. Не доверяет больше.

– Ну... не совсем то, что я имел в виду. Но что-то вроде. И сделать ничего нельзя.

– Рун, если б я переодевалась, а ты случайно повернулся, не специально, не чтобы сделать мне больно. Я бы тебя простила, – мягко проговорила Лала. – Ну, может быть немножечко подулась. А может даже и нет. Я не нарочно, Рун. Девушки не властны над своими чувствами, пойми это. Представила, что ты способен другой увлечься так легко. И про меня забыть. Обидно стало очень. И больно. Расстроилась

ужасно. И испугалась. Как правило мужчины понимают. Что девушки такие. И прощают... нам эти мелкие причуды. Никто не обижается. И как тут обижаться, если такова наша природа?

– Лала, я к сожалению терпеть такое не способен. Никак, – признался Рун грустным тоном. – Если такова ваша природа, мне надо держаться от девушек подальше. Чтоб вас не обижать.

– От других да, Рун, а ко мне поближе. Ты скажи, что именно ты не можешь выносить, и я буду стараться так не делать. Я постараюсь, правда, я смогу. Рун, я хорошая, и я тебя люблю. Я больно никогда не сделаю нарочно. Лишь по незнанию или ненароком.

Рун призадумался.

– Когда не хочешь знать. Когда не хочешь говорить. Когда не хочешь видеть. Когда ко мне питаешь чувства злые. Вот этого не вынести никак.

– Получается, на тебя нельзя обижаться? – предположила Лала аккуратно.

– Нет, обижаться можно. Всякое ж бывает, – покачал головой Рун. – Только когда обидишься, нужно идти не от меня, а ко мне. В объятья. И объяснить в чём дело. Я ж не хочу тебе плохого, я постараюсь всё исправить. Или вину заглядить, коли виноват. Но если не захочешь знать, то это... нестерпимо. Хуже смерти.

– Рун, милый, только и всего? – очень ласково произнесла

Лала. – Для феи объятий это самое простое. Отныне, когда я знаю, я обещаю. Что если вдруг обижусь, то сразу же пойду в твои объятия проситься. Теперь я прощена?

Она смотрела ему в глаза. И столько было всего в её взгляде... И доброта, и нежность, и надежда, и теплота, и капельку печаль, и искорки иронии весёлой. И много-много любви.

– Ну, ты же в моих объятьях. О чём ещё мечтать, – усмехнулся он, чувствуя, как всё дурное отступает, словно огромный камень с души.

Лала вздохнула умиротворённо, её личико совсем прояснилось.

– Как славно, милый Рун, – промолвила она многозначительно чуть с юмором. – И, Рун, как раз тот самый случай. Как мы и говорили. Я очень обижена и я в твоих объятьях. Теперь вот искупай свою вину.

Она буравила его глазками настойчиво. Вроде бы и сердится, а вроде бы и рассмеяться готова, вроде бы и укоряет, а вроде бы приветливости полна. И всё абсолютно искренне. Ну как девушки это делают?

– Скажи, как я могу её загладить? – с полушутливым смирением спросил Рун, дивясь и любясь на эту многогранность, обрамлённую ослепительной девичьей красотой.

– Выкручивайся сам, мой дорогой, – довольно буркнула Лала.

– Весь день не отпущу. И ночь, – предложил он, глядя на неё плутовски.

– Годится, – одарила она его чарующей улыбкой, и засияла безудержно. – О боже! Мы помирились! Прямо не верится. Так хорошо, когда меж нами всё хорошо.

– Лала, ты меня с ума сводишь, – пожаловался Рун страдательно сквозь смех облегчения. – Вот как так?! Чуть не мила, и всё, и свет не мил. И кажется, что всё как тьма ужасно. И думы думаешь в таких унылых красках... Что хоть топись. А лишь опять мила. Со мной становишься, и тут же снова счастлив, да так, что аж огнём горит в груди, и мир вокруг цветами расцветает. Как радуга. Безумие, как есть. Я и не представлял, что я такой... столь переменчивый, как флюгер на ветру, могу вдруг делаться. И всё из-за тебя.

– На то и нужны девушки, чтобы сводить с ума юношей, – лукаво поведала Лала.

– Ну, понятно.

Они замолчали, оба наслаждаясь вновь вернувшейся невинной радостью бытия и теплом друг друга. В ручейке тихо журчала вода, шелестела крыльями резвящаяся над ней стрекоза, шелестел лиственной лес. Жёлтый мотылёк порхал над травинками.

– Значит мы сегодня уже никуда не пойдём, суженый мой? – поинтересовалась Лала невинно, нарушив эту убаюкивающую гармонию природы дивными звуками своей речи.

– Выходит так. Раз должен обнимать, – подтвердил Рун.

– Вот здорово! – восхитилась она. – Даже не жаль теперь, что ссорились, когда так расщедрился.

– Лала, а есть что-то, что я должен знать? Что тебе будет нестерпимо от меня? – мягким тоном спросил Рун.

– Да. Если променяешь на другую, – улыбнулась она. – Ну, или не захочешь обнимать. Иль станешь груб со мной. Вот это будет тяжко. Всё остальное я перенесу.

Рун погладил её по волосам. Она лишь вздохнула. А сама так и лучится счастьем и чувствами приязненными.

– Тогда тебе не о чем переживать, лебёдушка моя, – чистосердечно молвил он. – С тобой быть грубым невозможно. Ведь ты такая... славная. И не обнять тебя я не смогу. В любую ссору, вспомни, был готов. Ты вот порою не даёшься. Жестокосердная.

На последних словах он покосился на неё, с комичным осуждением.

– Я просто девушка, – ответила Лала ласково. – Не совладать с собой в обиды. Но я люблю тебя всегда, котик. Даже когда мы в ссоре.

– Ну ладно, коли так, – не без иронии смилостивился Рун. – Что касается променять на другую... Знаешь.

Он вдруг замолчал, призадумавшись, словно озарённый идеей.

– Что, милый? – заинтересовалась Лала

– Ведь люди женятся.

– Рун, это предложенье? – с весёлым любопытством воззрилась она на него.

– Я б предложил, но ты же не пойдёшь, – полушутливо

посетовал он, а затем стал серьёзным. – Я об ином. Вот поженились люди. И далее хранят друг другу верность. И даже если кто-то им ещё понравится однажды ненароком, внимания на то не обращают, так как у них вторая половинка уже имеется, и ей они клялись в венчание быть верными до гроба.

– И что, Рун? – в голоске Лалы звучало непонимание.

– Ну, значит можно сделать сердце несвободным и клятвой, – пояснил он. – Есть те, кого выдают не по любви, но они всё равно хранят верность. Благодаря клятве перед алтарём. Раз ты так боишься, что я влюблюсь в другую, я могу поклясться. Клянусь, что пока ты хочешь быть со мной, не посмотрю ни на одну другую девушку с интересом, не буду думать о других девушках, и буду принадлежать только тебе. А если я нарушу клятву, я мерзкий слизняк.

– Не надо, Рун, – мягко попросила Лала.

– Вообще-то я уже поклялся.

– Заинька, ну я ведь уйду когда-нибудь. И ты останешься один. Вдруг, пока мы вместе, ты встретишь ту, кто суждена тебе.

– И ты меня уступишь? – усмехнулся Рун.

– Ну конечно, милый. Я же не эгоистка. Я хочу, чтоб ты был счастлив.

– По-моему, Лала, ты переоцениваешь свою терпимость, – заметил он с юмором. – Не позавидую той девушке, которая попробует меня у тебя отбить.

– Много ты понимаешь! – буркнула Лала.

– Ну, в общем, клятва принесена. Надеюсь, тебе будет поспокойней от этого.

– Рун, это очень большая клятва. Очень, – произнесла Лала чувствами глубокими исполнено, со всей своей искренностью показывая, сколь дорого это для неё.

– Ну, я же провинился, – пожал он плечами. – Вот, заглаживаю. По-моему, вполне достойная цена.

– Самая достойная! Рун, тогда и я должна ответить тем же.

– Лала, не должна совсем.

– Должна. Рун, я клянусь.

– Лала! Не стоит.

– Клянусь, что пока я в вашем мире, не буду глядеть ни на одного другого мужчину с интересом, не буду думать о других мужчинах. И буду принадлежать только тебе. А если я нарушу слово, я злая болотная ведьма.

Она посмотрела на него радостно и взволнованно. Глазки её блестели.

– Рун, это всё так романтично! Знаешь, теперь мы вроде как принадлежим друг другу. По-настоящему. Ты счастлив?

– Чувствую себя слегка обманщиком, но да, – улыбнулся он.

– Я тоже. Теперь мы действительно пара! – продолжила изливать свои восторги Лала. – Не понарошку. Только необычная. Не жених и невеста, не муж и жена. Просто

два влюблённых сердца, скреплённых клятвой. О боже! Мои сестрички полопаются от зависти, светлой конечно, когда я им расскажу. Такого я даже в рыцарских романах не читала!

– Посмеются они над нашей наивностью, – добродушно молвил Рун.

– Нет, любимый. Не посмеются. Воодушевятся. Что в мире может быть что-то настолько романтическое.

Она прильнула к нему, а сама так и светится. Вздохнула мечтательно.

– Что там с магией? Вернулась? – осторожно осведомился Рун.

– Вернулась. Всё хорошо, мой славный. Голова немножко кружится.

– Ну, слава богу, что кружится. А то как не кружится, я уж переживаю, что со мной что-то не так.

– Рун, – Лала чуть отстранилась, уставившись на него ласково-ласково просяще, как лисичка.

– Что? – усмехнулся он её елейному тону, с нетерпением ожидая продолжения.

– Давай на два денёчка останемся. Раз у нас такой праздник. День клятв верности.

– Лала, ну ты что, домой совсем не хочешь? – изумился Рун, всем своим видом словно взывая к её благоразумию. – День, он на то и день, чтобы не быть двумя. Мы на озере месяц были. Месяц! Даже больше, кажется, я уж к концу со счёта сбился. Неужто не хватило?

– Тогда хватило, но уже соскучилась, – пожаловалась Лала. – Две недели как идём.

– Вот мне интересно, если бы дымы костров чужих не появились вблизи, сколько бы мы ещё на озере оставались?

– Не знаю. Я знаю одно, это были самые счастливые денёчки в моей жизни, – поведала Лала переполненным тёплыми нотками голосом. – Это было умопомрачительное счастье, от которого я до сих пор не могу прийти в себя. Сердечку сладенько безмерно. И радостно, что всё это у меня было. И если бы этого месяца не было, Рун, навряд ли бы дошло вот до такого, что у нас сейчас. До клятв. До моей любви. Что-то изменилось во мне, котик, после этого месяца. Очень сильно. Я как будто утонула в счастье, и уже не смогла всплыть, так и погружена в него. Даже наша ссора почти ни на что не повлияла. Едва помирились, и всё, я снова тону.

– Во мне тоже что-то изменилось, – признался Рун. – Словно все мечты сбылись. Ну, почти все. Теперь даже если завтра умирать, я не пожалею, что чего-то не успел. Умру с улыбкой, вспоминая то, что было. Самое главное я успел. Никогда не думал, Лала, что можно быть настолько счастливым. Просто наслаждаться каждой минутой целый месяц, ни забот, ни хлопот, ни тревог, только любимая девушка рядом, только счастье, и радость, и объятия, и более ничего. Так странно. Уверен, у нас в краях нет никого, кто жил подобной жизнью хотя бы несколько дней. Я не представлял, что это вообще возможно. Быть на земле словно в раю.

– Так мы остаёмся на два дня или нет? – мило побуравила его глазками Лала.

– А ты как думаешь? Что я откажу прекраснейшей из фей? – с юмором изобразил он удивление её недогадливостью. – Но только не больше двух, ладно?

– Спасибо, любимый, – засияла она довольно.

– Так я сам хочу.

– Всё равно. Между прочим, Рун, раньше, когда я говорила «любимый», это было чуточку понарошку. А теперь всё взаправду.

– Нашла чем хвастать, – весело заметил он. – Я всегда говорил взаправду. С самого первого дня, как мы стали ласково называть друг друга.

– Вот ты какой! – с притворным осуждением посмотрела Лала на него. – Я думала, тебе будет приятно. Услышать это.

– Мне очень приятно, – улыбнулся ей Рун тепло. – Шучу я, лебёдушка моя. Конечно приятно. Очень. Говорил я, что никуда ты не денешься от любви ко мне. погоди, ещё замуж попросишься.

Лала рассмеялась.

– Боюсь, откажешь, а то уже бы попросилась.

– Мне не всякая фея подходит, – сообщил он с нарочитой доверительностью.

– И чем я тебя не устраиваю?

Рун призадумался, подыскивая аргументы.

– Ну же, ну! – стала подбадривать его Лала.

– С готовкой у тебя проблемы, – нашёлся он. – Почти всегда я готовлю. Где это видано, что кавалер кашеварит, а дама только ест.

– Кто о чём, а мужчина о кушаньях, – с деланным укором посетовала Лала. – И разве этим утром не я тебя накормила? И я помогала тебе варить, и грибочки мы вместе собирали.

– Ага, собирали. Никогда этого не забуду. И как хворост искали, и грибы, и ягоду. Сплошные объятья. Как я ещё с голоду не помер.

– То-то был такой довольненький, как собирали.

– Собирать хворост и грибы каждому дано. А обнимать самую прелестную из фей только мне. Счастливейший из смертных, – Рун вздохнул от переполненности чувствами светлыми. – Знаешь, Лала.

– Что, мой львёнок?

– Раз этот день такой особенный для нас. Один из самых значимых. День клятв верности, и примирений, и твоих признаний, и нового свидания двухдневного. Сегодня снова можно колдовать красивое. Без штрафов.

– Ой, спасибо! – обрадовалась она, засияв ещё ярче. – Такой ты у меня стал милый да хороший.

– А раньше не был? – весело подивился он.

– И раньше был, – с нежностью сказала Лала

Ненадолго наступила тишина. Они сидели, глядя друг на друга. Смотрели, и смотрели, и смотрели, оба очень счастливые. Их лица были так близко, что казалось, сейчас слу-

чится поцелуй.

– Лала, – тихо произнёс Рун.

– Что, суженый мой?

– Тебе не кажется, что у нас всё зашло слишком далеко?

– Может быть, – мягко ответила она.

– Так и должно быть с феями объятий?

– Рун, я не знаю.

– Не боишься, что всё пойдёт ещё дальше?

– Любимый, дальше только замуж. Но выйти за тебя я не могу. Никак.

Они снова замолчали. Не всем и не всегда нужны слова, чтоб поделиться чувствами. Без слов порой даже сильнее передаётся меж двух сердец всё, чем они полны, когда любовь в них пламенем пылает. Рун любовался Лалой, а она ему дарила свет своей улыбки, в которой отражалось как всегда так много разного... и ласка, и тепло. И доброта, и капелька лукавства, невинного, и радость, и приязнь. И всё очарованное девичье, какое только существует в мире. Неожиданно её глазки озорно заблестели.

– Ну всё, Рун, сейчас я буду колдовать, держи меня, – заявила она, отстраняясь. Поднялась на ножки, воспарила, а сама так и светится.

– Сейчас? – с недоумением молвил Рун, поднимаясь вслед за ней. – Всегда под вечер вроде раньше было.

– А сегодня будет рано, – рассмеялась Лала.

Он придерживал её за талию, а она творила чары, взма-

хивая ручкой. Раз, и всякая травинка и всякий листик зазеленели ярче, точно изумрудные. Раз, и деревья вокруг разукрасились разноцветными лентами и шарами. Раз, и вода в ручье зажурчала музыкой, из ручья высунули головы рыбки в шляпах и запели. Раз, и лес засверкал алмазным блеском. Воздух стал мягче и наполнился благоуханиями. Ещё взмах, и на Лале появилось пышное белое платье, а на Руне богатые дворянские одежды. Лала повернулась к нему, сияя, словно солнышко, обняла его за шею. Их лица опять оказалось совсем рядом.

– Я всё. Красиво, правда? – счастливо выдохнула она.

– Да. Рисковая ты девушка. Не побоялась нас переодеть. А если б мы остались нагишом? Вот это был бы праздник, – улыбнулся Рун.

– Ах, котик, я сейчас так воодушевлена. Что всё само собой выходит. Магия творится вдохновенно. Легко. Я не боялась. Даже не думала об этом.

– Тебе очень идёт. Свадебное платье, – искренне с восхищением произнёс Рун.

– Милый, это не подвенечное. Это бальное, – объяснила Лала довольно. – Есть разница. Здесь нет фаты, к примеру.

– Понятно. Всё равно ты в нём прекрасна. Моя красавица.

– Ты тоже. В таком наряде прямо принц.

– Ну да, не отличить, – усмехнулся Рун. – Лала, а эта одежда насовсем? Мне всё-таки хотелось бы потом вернуть свою.

– Рун, эта магия рассеется ровно в три часа ночи.

– А когда она рассеется, моя старая одежда окажется на мне?

– Ой, Рун. Я не знаю. Наверное.

– Наверное?! – оторопел Рун.

– Ну, зайныка, я не подумала об этом. Я не знаю. Должно всё стать как раньше. Наверное.

– О боже, Лала! С тобою не соскучишься, – добродушно покачал он головой.

– Так ты не сердисься? – состроила Лала жалостливую виноватую гримаску.

– Нет. Я счастлив. Когда ты рядом.

– Рун, давай договоримся, – её личико стало очень серьезным. – Дай мне слово, что ежели одежда все же не вернётся... ежели ты проснёшься, а я ещё сплю, и... без всего. Ты сразу же глаза закроешь накрепко. И не посмотришь на меня. Хоть я и не смогу узнать, смотрел ты или нет. Ладно? Разбудишь меня с закрытыми глазами. И станешь ждать, пока я не скажу.

– Лала, но я-то тоже буду без одежды, – напомнил Рун со значением.

– Ой! – она покраснела.

– Придётся нам не спать до трёх часов, – поделился мыслью он. – Чтоб сразу с этим как-то разобраться.

– Придётся, – улыбнулась Лала.

– Лала.

– Что?

– Можно пригласить тебя на танец?

– Но ты же не умеешь, Рун, – удивилась она.

– А ты мне будешь говорить, что делать. Пусть выйдет неуклюже. Но всё же получится, что мы как будто танцевали. В этот день. В наш праздник.

Глазки у Лалы снова озарились восторгом.

– Столько подарков сегодня! Какая я счастливая! Спасибо, любимый!

Она поцеловала его в щёчку.

***

Через три дня они продолжили путь. Рун не жалел о потерянном времени. Ну как жалеть, когда перед глазами всё время сияние абсолютно счастливой девушки. Фея объятий, проведшая в объятиях трое суток, это зрелище, которое сложно описать словами. Так и лучится, так и светится, и напеваёт своё милое незатейливое «ла-ла-ла», и радуется всему и всем, каждой букашке, каждой травинке. Ну и конечно дарит много тепла и ласки тому, кто в ней счастье пробуждает, своему кавалеру. Без улыбки на неё смотреть невозможно, не испытывать самому счастья, заражаясь оным от неё, нереалистично. Настроение у обоих было лучше некуда, буквально некуда. Но если Лала пребывала в полной безопасности, у Руна на лице порой проскальзывала озабоченность.

– Что это ты, мой львёнок, временами как будто и не со мной? – полюбопытствовала Лала, в конце концов обратив

внимание на его состояние.

– Да вот, думаю, как начать разговор, – признался он.

– Ну уж начни как-нибудь, котик, не робей. Прямо заинтриговал меня, – разулыбалась Лала. – Замуж хочешь снова позвать?

– Нет.

– Не хочешь звать? – иронично подивилась она.

– А ты хочешь, чтоб позвал?

– Это приятно.

– А выслушивать отказ приятно, как ты считаешь? – с весёлым укором спросил он.

– Откуда же мне знать? Я никого не сватала ни разу, – не моргнув глазом, невинно ответствовала Лала.

– Ну... в принципе... из уст такой красавицы даже отказ звучит как музыка, – улыбнулся Рун.

– Ой, спасибо, мой хороший! Приятный комплимент, – просияла Лала.

– Так ты пойдёшь за меня?

– Кто ж так зовёт, Рун? – с совершенно искренним упрёком поглядела на него Лала. – Надо встать на одно колено. Протянуть даме руку, желательно с колечком, и голосом, исполненным любви, и пламенного пыла, и надежды, ей сердце предложить своё.

– И это всё, что выслушать отказ? – не без доли юмора высказал сомнения Рун.

– А вдруг я соглашусь? – загадочно молвила Лала.

– Кольца нет, – посетовал он.

– Ну, ничего, можно и без кольца, – не сдавалась Лала.

Рун остановился. Лала тоже. Он, не выпуская её руки, опустился на одно колено, глядя ей в глаза неотрывно, и с нарочитыми серьёзностью и пылом произнёс:

– Любимая, выходи за меня, а?

– Нет, – буркнула Лала довольно.

– Ну вот, – он встал, изображая разочарование.

Лала подпорхнула к нему вплотную, обняла сама. И так и сияет всё, так и сияет.

– Ослепнуть можно, – пожаловался Рун беззлобно.

Она рассмеялась по-доброму. И отстранилась.

– Пойдём уж, суженый мой. На привале потом обниму тебя наподольше, чтобы утешить нежно.

– Ну ладно.

Они снова двинулись в путь, держась за руки.

– Так о чём ты хотел со мной поговорить, милый? – ласково спросила Лала.

Рун вздохнул, подбирая слова.

– Не хочется тебя расстраивать, красавица моя, но мы дней через несколько дойдём до поселения.

– Почему я должна расстраиваться, Рун? – с недоумением осведомилась Лала.

– Ну, потому что, всё. Наша идиллия заканчивается, – объяснил он не без доли грусти. – Возможно навсегда. Ночью снова по отдельности придётся спать. И днём не выйдет

часто обниматься. И вообще, я пока не представляю, что мы будем делать. Надо нам над этим поразмыслить, Лала. Вдвоём. Барона-то нет, с его стражей, с его указом не преследовать тебя. И местный лорд не в этом поселении живёт, куда мы выйдем. Просить защиты от толпы у здешней знати? Но кто они? Безопасно ли это? Я про них ничего не знаю. Даже барон пытался тебя обидеть. А тут незнамо кто. Боязно доверять тебя им. Порой дворяне своенравны. Есть вариант тебе схорониться в лесу, а я пока пойду в поселение, выясню путь до замка лорда, до обители магов. Хотя мне и совсем не нравится идея оставлять тебя одну. Если выясню, можно попробовать лесами ещё чуть-чуть передвигаться. Тогда ещё хоть сколько-то смогу тебя обнять в любой момент. И днём и ночью. Правда я не знаю леса в этих краях, вся надежда на твою магию, чтобы не заплутать. Так или иначе... Всё имеет свой конец, к сожалению, даже объятия с самой чудесной феей на свете. Не горюй, Лала, ничего не поделаешь.

– А у самого-то голос огорчённый, – улыbnулась Лала. – Ох и глупенький ты, Рун. Зачем мне горевать? И у тебя к тому нету причин. Ты хоть понимаешь, что со мной произошло за последние... полтора месяца, любовь моя?

– А что?

– Ну как что? – подивилась она. – На озере, свидание. И в лесу вот три денька ещё. И когда шли, много было, и ночечки все.

– Ты про объятия? И что? Тебе хватило, хочешь сказать?

Вот уж сомневаюсь, – усмехнулся он.

– Какой недогадливый. Ты понимаешь, насколько я теперь могучая, Рун? Я очень многое могу. Если бы кое-кто не запрещал мне колдовать под страхом... сам знаешь чего, я бы... Ах, не повезло мне с женихом, такой принципиальненький попался. Я теперь наверное смогла бы какое-то больше чудо сотворить. А ты и не увидишь, вот. Из-за себя самого. Из-за своего упрямства. Но обниматься для меня необходимость. Крайняя, Рун, как тебе известно. Поэтому чего мне огорчаться. Во мне, зайчика мой, сейчас столько магии. Всё равно что-то наколдую, чтоб мы могли и дальше обниматься. И в ночечки, и днём среди людей. Лишь бы ты не застеснялся слишком, об остальном не переживай.

– Ты довольно много колдовала, – напомнил Рун. – Я тебе разрешал магию тратить на красивое в течение всего свидания. И в эти дни объятий. А ещё для русалок колдовала, еду порой пыталась, и другое по мелочам. И платья задперёд меняла. Ты много тратила, по-моему. Хочешь сказать, всё равно много осталось?

– Когда кое-кто так любит меня обнимать? – лукаво посмотрела на него Лала. – Я тратила гораздо меньше, чем получала, уж поверь мне. Как до смерти меня не заобнимал, не понятно.

– Так это я любитель обниматься, оказывается?

– А кто же ещё? Я, Рун, тебе очень благодарна. Ты бы знал, как, – растроганным голоском проговорила вдруг она. – Я

ведь тебе рассказывала про плоды безвременной магии нашего мира, позволяющие восстановить магию до наивысшего уровня, какой у неё когда-либо был? И что от сильной магии в фее её способность усваивать и накапливать магию развивается. Я теперь буду настоящей феей, когда вернусь. Самой настоящей, не то что раньше. Как я переживала, как грустила в детстве, что волшебства во мне почти нисколько. И вот... я посильнее многих стала. У нас в стране. Не всех, но многих. Сильней моих сестриц, к примеру. Вот они порадуются за меня. Это всё благодаря тебе, мой хороший.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулся Рун.

– Ты, Рун, правда, всегда-всегда рад меня обнять. Это удивительно. Это очень приятно, – совсем растрогалась Лала.

– Что тут удивительного? Ты в зеркало смотрелась? – поиронизировал он.

– Бывало иногда, – разулыбалась она.

– Но вообще, да, это тяжёлая работа, заряжать тебя колдовскими чарами. Так что не забудь вознаградить меня как-нибудь. Понежнее.

– Я не забуду, зайныка.

– Лала, а как твоя магия может нам помочь обниматься? – полюбопытствовал Рун. – Я как-то не очень представляю. Это же не вещь наколдовать. Это отношение людей вокруг. Если только... наколдовать нам свадьбу. Всё же обвенчаться понарошку, чтобы все считали нас женатыми. Какие ещё варианты?

– Нет, котик, быть женой понарошку я не хочу. Это... неправильно и неромантично, совсем. Прости.

– А что тогда?

– Не знаю, что-нибудь. Например, может обращусь человеческой девушкой на время. Я, возможно, это смогу. Тогда наверняка никто не станет излишне обращать на нас внимания. Всем будет всё равно.

– В человека хочешь превратиться? Лала, тебе не понравится результат, – заявил Рун тоном, исполненным предубеждения о плохом.

– Почему же это?

– Причин-то масса. Давай с самых простых начнём. Тебе придётся в платье длинном ходить, как у всех здесь. Ножки скрывать.

– Ну и ладно.

– За дворянку ты себя выдать не сможешь. Наверное. Нужно же фамилию, а чьей ты назовёшься? Ну, может тут и выгорело бы. Но дворянка не станет обниматься с крестьянином ни за какие коврижки. Значит только в простолюдинку, то есть платье придётся некрасивое носить. Не из шелков, из грубой ткани.

– Я тебе наряд дворянина наколдую, – предложила Лала.

– Хочешь, чтобы я выдавал себя за аристократа?

Она кивнула:

– Тебе идут роскошные одежды.

– Любимая, меня повесят, если узнают, кто я на самом

деле, – поведал он с сожалением. – Или запрут в темницу до окончания моего века. В лучшем случае.

– За такую малость аж казнят?! – недоверчиво и испуганно уставилась на него Лала. – У вас так всё жестоко?

– Это совсем не мелочь, – не согласился Рун. – Ежели меня станут принимать за дворянина, значит, благородные господа со мной начнут здороваться, считая, что я один из них. Почтение выказывать. Когда узнают правду обо мне, это для них будет такое оскорбление, такой ущерб для чести... Честь главное для них. Они в дуэлях друг дружку убивают за неё. И что они сделают с крестьянином, чувствуя себя униженными выставленными на посмешище, вот догадайся.

– Чтож, буду в грубом платье. Всё равно. Не жалко за объятия с тобой. И ночечки.

– Допустим, так. Но тебе нужно будет превращаться и лицом во что-то менее красивое. Оставлять его тем, какое есть сейчас, бессмысленно. Иначе все мужские взгляды будут прикованы только к тебе, не важно, с крыльями ты или без, в шелках или в тряпье невзрачном.

– Я столь хорошенькая? – лукаво проронила Лала, сияя довольными глазками.

– А то ты прям не знаешь, – усмехнулся Рун.

– Ну, обращаю и личико в другое, – рассмеялась она. – Возможно, я это смогу. Чуть приуменьшу красоты. Стану просто крестьяночкой симпатичной.

– Но тогда я буду видеть тебя иной, чужой девушкой.

Проснётся магия ли? – выразил озабоченность Рун.

– Проснётся, львёнок, тут не сомневайся, – весело уверила его Лала. – Чтоб я, да не сумела пробудить её в тебе. Когда такое было?

– Ну, может быть, – задумчиво молвил он. – Тогда идем дальше. Крестьянкой симпатичной, говоришь? Что если стражник, иль солдат какой, иль пьяный дворянин тебя... уж извини, зажмёт или... по попе шлёпнет?

Лала аж остановилась, покраснев до кончиков волос.

– У вас так может быть?!!

– С простолюдинкой? Да.

– И ты не вступишься?

Она посмотрела на него с печальным укором.

– Вступлюсь, – ответил Рун без тени колебаний. – Но я же не могу вступиться заранее, пока никто не шлёпнул. Не кидаться же на всех, кто рядом окажется. Тебе будет легче, что я поколочу кого-то, когда тебя уже шлёпнули?

– Нет, – произнесла Лала растерянно.

– Я так и предположил, – кивнул он. – А могут поколотить и меня. Я же не воин, я не умею толком драться. А если это дворянин, могут и убить. Иль засадить на годы. Иль повесить. Что будет за моё убийство дворянину? В темницу ненадолго или штраф. А ты останешься одна.

– Какой у вас ужасный мир. Оказывается. И мрачный, – проговорила Лала тихим упавшим голосом.

– Ну, не настолько, – мягко заметил Рун. – За насилие

над девушкой повесят и дворянина. Если он не титулован. Даже не голову отрубят, а именно на виселицу отправят, как последнего бродягу. У нас с этим строго. Не терпят. Но за шлепок никто вешать не станет. Я не утверждаю, что с тобой это обязательно произойдёт. Наверное, зависит от того, куда мы будем ходить. Только мы же пойдём на постоянный двор. Где ещё остановиться? А там вероятность не самых приятных встреч велика. В общем, в крестьянку я бы не советовал тебе превращаться. Расстроилась?

– Ну да. Так грустно.

– Могу обнять.

– Может он. Раз можешь, обними. Прямо умолять приходится. Другой бы фею рад бы был обнять. А этот.... «Мог бы», – передразнила Лала с полушутливым осуждением.

– Я не рад. Я счастлив буду прижать тебя к себе, моя голубка.

Он шагнул к ней и обхватил руками:

– Чудо моё большеглазое. Минуты не можешь обойтись без Руна.

– Могу, даже две, – возразила она, чуть повеселев.

Они стояли сколько-то времени, молча, в тишине летнего леса, согревая друг друга. Лала вздохнула.

– Значит не стану превращаться в человека, – молвила она. – Но я всё равно найду способ, как нам обниматься, жених мой милый, и как быть ночечками вместе. Я не сдамся.

– Чтож, буду с интересом ждать, что ты придумаешь, кра-

савица моя, – ласково сказал Рун. – Ты меня всегда удивляешь своей магией. Ну вот, как русалок тогда одела как будто.

***

Был полдень. В столице, в королевском замке, король Афознтос Первый, опёршись на расшитые золотом парчовые подушки, полувозлёживал на диване. Стройный худощавый мужчина тридцати трёх лет, тонкие черты лица, маленькая бородка, небольшие ухоженные благородные усы, длинные завитые придворным цирюльником каштановые волосы, покрытый замысловатыми вычурными узорами пурпурный камзол, штаны до колен, с подвязками, чулки, туфли с золотыми пряжками, выполненными ювелиром далёких заморских земель, пальцы в перстнях с крупными камнями, на груди бриллиантовый кулон – символ власти, который носили многие монархи до него. Лицо короля выражало лёгкую скуку. Невдалеке, у резного стола сидел первый советник, лорд Триаланджи, сорокалетний муж учёный с вдумчивым взором, короткая стрижка воина, строгие чёрные одежды, впрочем, не без изящной мелкой вышивки, на шее толстая золотая цепь, оканчивающаяся ромбовидным знаком приближённого вельможи. На столе, на расписанной рунами скатерти, в соседстве с письменными принадлежностями, подсвечником, книгами, статуэтками божеств и отделанной рубинами и изумрудами шкатулкой, лежала аккуратно сложенная в пирамидку груда свитков.

– Есть что-то важное? – спокойным тоном осведомился король.

– Определённо да, ваше величество, – с почтением кивнул лорд Триаланджи. – Пришёл корабль торговый. С капитаном мне передали пару донесений. Весьма прелюбопытнейшие оба. Вам зачитать, или желаете услышать лишь основную суть?

– Лишь суть.

– Сосед наш за морем, король Эндана, новую верфь распорядился заложить.

– Ещё одну? – в голосе Афоэнтоса Первого послышались расстроенные нотки.

– Именно так, мой государь.

– А что за корабли там строить будут? Торговые или военные?

– Пока что не известно.

Афоэнтос Первый вздохнул.

– По сути разница не велика. И так и эдак нам выходит плохо. Торговля обеспечит больше злата. В казну. А злато это сила войск.

– Навряд ли нападать они решатся сейчас на нас, ваше величество, – поделился мнением советник Триаланджи.

– Пока что да, – согласилась монаршая особа. – Но позже. Лет эдак через восемь или десять... Глупцы живут сегодняшним лишь днём. А мудрый беспокоится заранее о том, что ждёт его в грядущем. Нам надо всё же точно разузнать,

какие корабли энданцы строить намерены на новой верфи.

– У нас там много глаз, ваше величество. Едва первый корабль будет заложен, так сразу и узнаем.

– Что во втором письме? В нём тоже неутешительное что-то?

– Боюсь что так, – осторожно подтвердил лорд Триаланджи. – Наш верный человек в Эндане прислал очередной отчёт, где повествует, что там происходит. Обыденные вещи в основном. Об урожае пишет, о торговле, о внутривосточных делах, о слухах про вельмож и лордов. Довольно ordinaria рутинная. Однако ходит слух один в Эндане, который далеко не ordinary. Он был проверен нашим человеком, и подтверждений множество нашёл. Есть веские причины полагать, пираты, что свирепствуют на море, на самом деле все не пираты. А рыцари Эндана. Грабят шхуны торговые и прочие суда... по повелению своего монарха, и только треть полученной добычи берут себе, сдавая остальное ему в казну. Окольными путями. Но тем не менее. Закон энданский их. Преступниками подлыми считает. Как будто, только вот же парадокс. Никто их не пытается ловить, и корабли своей родной страны они практически не трогают.

– Какая дикость. Даже для Эндана, – с недоверием бросил Афэнтос Первый. – Не варвары же всё-таки. Неужто... настолько низко рыцарство там пало? Уже не честь свою блюдут, а грабят. Не защищают дам, наоборот... берут в плен?

– Поверить в это мне и самому. Непросто было понача-

лу, – признался лорд Триаланджи. – Я много размышлял, и понял. Тут есть прелюбопытнейший момент. Сие вполне возможно расценить... не как падение, а как великий подвиг. Для рыцаря честь самое святое. А значит, ежели согласен он. Её отринуть ради важных целей, во благо короля и государства, то это наивысший подвиг. Из всех, что только можно совершить. Вот и выходит, соответственно, что рыцарь по правде не утрачивает честь. Наоборот, становится героем. Причём весьма богатым, ведь и треть. Добычи это тоже очень много. И кто узнать сумеет, что он грабил? Те, кто ограблены, лежат на дне, и не расскажут никому живому. Фактически монарх лишь будет знать. И будет благосклонностью своей одаривать за преданность такую.

Афоэнтос Первый надолго призадумался, нахмутив брови.

– Хочешь не хочешь, но и нам. Придётся тоже строить верфи, – произнёс он наконец с сожалением. – Вот только золото где на это взять? Поднять налоги?

– Роптать начнут, пожалуй, лорды, – заметил Триаланджи.

– С них станется, ты прав. И почему. Один я должен печься о стране, а все лишь о мошне своей пекутся? – посетовал Афоэнтос Первый.

– Не дальновидны, государь. Им далеко до вашей мудрости, – вежливо пояснил лорд Триаланджи.

– Так где мы будем деньги брать на верфи? – с настойчивостью посмотрел на него монарх.

– Я посчитаю, сколько нужно золота, и материалов, и людских ресурсов, и вам доклад представлю, исходя из цифр, ваше величество.

– Ну хорошо, – кивнул король. – На этом всё с почтовыми делами? Или ещё какие-то остались, что нашего внимания достойны?

– Всё остальное в основном рутина, которую я сам решить могу, если на это будет ваша воля, мой господин, – отозвался советник Триаланджи. – Там как обычно: жалобы, прошения, разнообразные. Отчёты по налогам. Доклады с приграничных территорий. Ну и так далее. Но есть одно письмо. Которое я не могу прочесть без вашего прямого указанья. Его прислали конфиденциально. С пометкою, вам лично в руки.

– Что за письмо? – заинтересовался Афоэнтос Первый.

– Из северной провинции глухой. От лорда Ар Шаени.

– Из глухомани конфиденциально? – подивилась монаршая особа не без юмора. – И что же там могло произойти? Напали волки?

Лорд Триаланджи рассмеялся.

– Это ещё не всё, ваше величество. Гонец, что вам привёз сие письмо, ответа ждёт.

– Ответа ждёт? Как интригующе, – поиронизировал Афоэнтос Первый, улыбаясь. – Ну, прочитай нам данное посланье.

Лорд Триаланджи взял со стола один из свитков, сломал

печать, развернул его.

– Сначала, как и надлежит, вас восхваляет лорд Ар Шаени, – поведал он, едва углубившись в текст.

– Изобретательно? – полюбопытствовал король.

– Что от провинциала ожидать? Изящества не много, ваше величество, – сообщил советник. – Вам зачитать?

– Не всё, какой-нибудь пример.

– «Ваши блистательность и благородство нам служат светочем в ночи, ведя нас к свету» – продекламировал лорд Триаланджи. – Пожалуй, это более всего изобретательная фраза.

– «Светоч» и «свет» в одной строке? Аляповато, – покачал головой король.

– Остальное ещё хуже, сир. Но может слишком торопился лорд. Раз у него столь срочная нужда до вас возникла, – позволил себе предположить советник.

– Быть может. Ладно, к сути перейди.

– «Один из самых верных мне людей на днях проездом был в баронстве Ар Намеда» – принялся читать лорд Триаланджи. – «И стал свидетелем неслыханного дива. О коем я считаю своим долгом Вас известить. На земли Ар Намеды с неделю или две тому назад явилась фея, чудеса творя, и поселилась во крестьянском доме недалеко от его замка».

На лице Афоэнтоса Первого нарисовалось удивлённое выражение. Весьма озадачен был и лорд Триаланджи. Он продолжил:

– «Во избежание каких-либо ошибок, и чтобы не доверить невзначай бумаге слишком много важных слов, сие посланье отправляю Вам с гонцом, который фею видел сам и может всё рассказать доподлинно о ней, если на то случится Ваша воля. Ваш преданный слуга, Лорд Ар Шаени».

Советник закончил читать, с недоумением воззрившись на короля. Афоэнтос Первый молчал, размышляя. В его глазах читались лёгкое замешательство и недоверие.

– Как полагаешь, это правда? – спросил он через некоторое время исполненным сомнений голосом.

– Простите, государь, мне сразу сложно к определённым выводам прийти, – развёл руками лорд Триаланджи. – Нельзя не допустить, что правда. Ведь чудеса случаются порой. Однако они редкость, а вот люди, кто заблуждений полон, не редки. Кто откровенно спятил, иль напьётся, и спьяну напригрезится ему, или маразм начнётся, или сон приснится, а он примет за реальность. Призвать гонца? Держу недалеко его уж третий день на всякий случай.

– Зови, – распорядился Афоэнтос Первый.

Лорд Триаланджи быстро дошёл до дверей, открыл, коротко сказал что-то страже, и тут же воротился назад.

– Через две-три минуты приведут, ваше величество, – сообщил он.

– Фея, – задумчиво проговорил Афоэнтос Первый. – Их в древности ловили, как известно. Давно не слышно уж, чтоб кто-нибудь поймал. Который век ни о единой. Нет в летописи

сях и упоминанья. Обычно ловят чрезвычайно слабых. Магических существ, однако фея, даже и слабая такие чудеса, творить способна запросто, какие ни один маг произвести не в силах. В соседних королевствах взвоют. От зависти и страха, коли вдруг окажется всё это правдой.

– Тут можно много выгоды извлечь, – поддакнул лорд Триаланджи. – Пустить поболее слухов разных. Насчёт магических умений феи. Тогда уж точно не рискнёт никто напасть, хотя бы года два.

– Ты мыслишь слишком узко, друг мой, – заметил монарх. – Фея... даёт возможности большие. По части чар. Тому, кто ей владеет, становятся подвластны чудеса. Конечно, феи разными бывают. К примеру, есть среди них такие, кто преимущественно лечит. Или способствует порядку в доме. Но даже и они в руках умелых полезным инструментом могут стать. Кто этот Ар Намеда, нам напомним.

– Малюсенькое лордство во глуши, на севере, ваше величество. Отец его в немилость угодил в правленье вашего отца. Сынок сейчас и сам уже в годах, сидит в своей провинции извечно, и носа никуда не кажет. Пушниною торгует, пивом, зерном, и прочее. Налоги справно платит. Солдат нам отправляет, когда нужно, сам обучая. Северные люди отважные бойцы, надёжные. Всегда у нас в войсках ценились. В столице у барона Ар Намеды имеется какая-то родня, и вроде бы торговые партнёры. По слухам не богат, но и не нищ, вполне при деньгах. Вот и всё, пожалуй, что про него есть в

памяти моей.

В этот момент открылись двери. В покои вошли два рослых королевских стража, ведя между собой воина в простоватых но добротных кожаных доспехах, с посеребрёнными узорчатыми ножнами для кинжала за поясом. Молча, без лишней суеты, провели его внутрь, поставили на колени в пяти шагах от продолжающего возлëживать на диване короля, и застыли, в ожидании распоряжений. Афэнтос Первый сделал им знак рукой, они поклонились коротко, направились к выходу. Ещё несколько мгновений, и их спины скрылись за затворившимися дверьми. Монарх какое-то время изучающе рассматривал воина. Тот опустил глаза, почтительно ожидая.

– Представься королю. Кто ты таков? – требовательно произнёс лорд Триаланджи.

– Согонэлэн Йоно, троюродный племянник лорда Ар Шани, и его преданный слуга, ваше величество, – доложил воин не без волнения. – Служил ему оруженосцем в прошлом, в его... чуть боле юные года.

Быть оруженосцем лорда почётно и о многом говорит. В баталиях оруженосец сражается плечом к плечу с тем, кому служит. Он тот, кому всецело доверяют свою жизнь, кто без колебаний умрёт за своего господина, примет на себя летящую в него стрелу, закроет телом от меча. Это всегда недюжинный отважный боец. Король кивнул благосклонно.

– Поведай нам о фее.

– Ваше величество, я был проездом в землях Ар Намеды, – начал Согонэлэн. – Остановился в деревушке у реки. И вдруг услышал странное, что будто на противоположном берегу, в деревне, в доме юноши-плебея нашла себе приют девица-фея. Других тем просто не было у люда. Все утверждали, местный дурачок доставшимся ему в наследство зельем сумел девицу-фею изловить. Не доверяя болтовне плебейской, я, разумеется, решил проверить сам все эти слухи, быстро нанял лодку. И только переправиться успел, едва ступив на берег, как явился сюда же за водой тот дурачок, хозяин феи, в чьём доме она ютилась. Со мной вести бесед он не хотел, однако горсть серебряных монет сумела это кое-как исправить. Меня сначала он предупредил, что есть у феи некие секреты. И потому не всё, что он расскажет, правдивым будет. Я передаю сеи его слова, мой государь, дабы и вы, впоследствии неточность найдя какую-то в моём рассказе, не гневались чрезмерно на меня. Не я источник искажений фактов. Итак, вот что открыл мне дурачок. В глухом лесу, вдали от поселений, доставшимся ему от деда зельем действительно поймал он фею. Она сейчас же стала умолять, чтобы её он отпустил на волю. За это предлагая три желанья. Её он пожалел и согласился. Вот только оказалось, эта фея совсем слаба по части волшебства. Что не попросишь у неё, не может. И потому, пока он размышлял, какие три желанья загадать из ей подвластного, она при нём осталась. Так день прошёл, второй и третий. А фея – девушка, прелестная

собой. На третий день она ему по нраву. Настолько уж была, что загадал. Он как бы в шутку, чтобы полюбила она его безумно, а она... Возьми да и исполни то желанье. И воспылала чувствами к нему глубокими сердечными тотчас.

– Как любопытно, – в задумчивости не без доли изумления молвил Афоэнтос Первый. – Продолжай.

– Как оказалось, сир, сие желанье в какой-то мере не имело смысла. О свадьбе с феей юноша мечтал. Но феи не выходят за людей. Не принято у них, ущерб для чести. И вот, тогда он ей своё второе. Назвал желанье – выйти за него. А фея вдруг исполнила и это. Сочла себя обязанною стать. Ему невестой, дабы первое его. Желанье как бы даром не пропало. Не превратилось бы в её обман.

– Дурак-то не такой и дурачок, – заметил Афоэнтос Первый. – Что дальше?

– Они пришли в его деревню, ваше величество. И фея поселилась в его доме. Назначив свадьбу аж через пол года. У фей в стране традиции такие. На следующий день она с утра козу на время речью наделила, отправив по деревне глашатаем. Коза ходила всюду, объявляя, что выйдет фея вечером к народу. И вот, под вечер, люд со всей округи собрался перед домом дурачка. Приехал даже и сам лорд со свитой. И фея вышла, как и обещала. Дорожку из светящихся цветов. Наколдовала, и над ней летала, народ приветствуя. А после, уходя, призвала на потеху детворе миниатюрных пляшущих созданий. Впоследствии она ещё немало чудес разнообраз-

ных сотворила. Светящиеся камни для монахов, чтоб ночью без свечей читать могли. Дом жениха исправила снаружи, и превратила в дивные покои. Внутри. А бабушку его. Волшебным даром наделила – повелевать землёй в деревне. Чтобы на грядках не работать, не поливать их, не полоть, а лишь взмах рук, и всё само готово. На этом юноша рассказ окончил. Хоть слышал я от множества людей всё то же самое почти один в один, поверить в это было крайне трудно. Желая все сомнения развеять, я стал у дома юноши стоять, дабы увидеть фею самолично. И я её увидел. Очень скоро. Девушка ослепительной красоты. Такой, что повергает ум в смятение. В прелестном платье, только столь коротком, что ноги не скрывает совершенно. Крылами, как у бабочки, махая, ступнями не касаясь земли, к калитке подлетела торопливо, зашла во двор, и избу удалилась.

– Ты был не пьян, мой друг? – пристально посмотрел на него монарх.

– Ни капли в рот не брал, ваше величество. Мой ум был абсолютно ясен. Я поспешил к своему лорду. С докладом о подобных чудесах. А он счёл своим долгом известить и вас о них, великий государь. И сразу же послал меня в столицу, в надежде первым стать, кто передаст вам весть о фее. Я пустился в путь. И через десять дней проездом снова попал в селение, где фея проживала. Узнал все слухи свежие о ней. Их было много. Очень много. Как оказалось, женишок её был с ней жесток, и колотил частенько, сердясь на то, что

ложе с ним делить она не соглашается до свадьбы. Ещё он клады с её помощью искал. И два уже как минимум нашёл. Искала фея их путём призыва особого малюсенького гнома, который ненасытно жаждал денег. Народ гневиться стал на дурака, за то, что он чинит обиды фее. Лорд Ар Намеда тоже был взбешён. Он вызвал дурака в свой замок, и вынудил свободу фее дать – заставил третье пожеланье загадать, в котором первые два отменялись. Дурак ни с чем остался в результате. А фея, благодарная барону, решила в его замке погостить, желая мир наш лучше изучить, прежде чем в свой назад вернуться. Она, в сопровождении барона, поездку в местный город совершила. Явила чудеса для детворы, устроив кукольное представление, в котором куклы были живы, а кошки, и собаки, и вороны играли с ними вместе в сценах, по-человечьи изъясняясь. А вот затем загадочное дело. В один из дней исчезла фея вдруг. Барон отправил множество людей искать её повсюду. И по слухам. Её в лесу видали с дурачком, с тем самым, чьей она была невестой. И он с тех пор исчез из дома тоже. Барон же заперся в своих покоях, и боле не выходит ни к кому. Все думают, что фея притворилась, будто развеяла желанья жениха. Дабы он гнева избежал барона. И, выждав, воссоединилась с ним, отправившись в другие земли. Барон же слёг с расстройства, что не смог сбереечь её от участи печальной быть суженой жестокого плебея. На этом мой рассказ почти окончен. Всё, что я знал о фее, я открыл. О её магии остались лишь ещё кое-какие важные

детали. Известно всем, великий государь, вы сведущи в магических науках. Надеждой льщу себе, что оные детали хоть как-то вам окажутся полезны. Я был в трактире в землях Ар Намеды. И слышал ненароком разговор каких-то двух мужей учёных. С их слов я смог понять, что фея по части чар сильна неимоверно. Хотя жених мне утверждал иное, мол, как колдунья слабая совсем. Они дивились тем из её чар, которые остались постоянны. Всего их три: светящиеся камни. Дом жениха и обстановка в нём. И третье, по словам мужей учёных, особенно ввергающее в трепет – старухин дар землёю управлять.

– Эти три чуда постоянны? Они не прекратились, не исчезли, когда ты воротился в те места, на земли Ар Намеды? – очень заинтересовался Афоэнтос Первый.

– Я полагаюсь лишь на слухи, ваше величество. Но если верить им, то не исчезли. Молва твердит уверенно, что нет. Однако же известно, дар старухи в деревне только действует её, а за границами деревни пропадает. Поэтому учёные мужи дивились так же и тому, что фея. Мудра столь, хоть и юная совсем. По их словам, когда б не исчезал дар у старухи, знатные вельможи её к себе забрали неизбежно, чтоб развлекала чарами своими. А фея так не только защитила её от этого, но и дала понять, что не желает, чтоб сию старуху хоть кто-то беспокоил понапрасну. Ещё учёные мужи дивились. На магию влюблённости у феи. Мол, до сих пор не слышал никто о волшебстве, что наделять способно. Любовью

истинной. Всегда считалось, что сердце чарам не подвластно. Лишь ум возможно несколько затмить, вселив в него влечение к кому-то. Но чтоб от счастья умирала дева, когда любимый рядом, чтобы ей неважно было, что он дурачок, что с ней жесток порою, что колотит, чтоб млела от компании его, а без него печалилась бы очень, даже после разлуки в пять минут. Чтоб сердце девы чувствами пылало, от магии наполнившись любовью. Подобных фактов мир ещё не знал. На этом всё, мой государь, о фее. Я к вам спешил изо всех сил, как мог. Загнал двух лошадей, почти не спал, передвигался часто вне обозов, рискуя на разбойников нарваться. Стремясь скорее эту вещь доставить, чтоб долг исполнить перед вами свой, и волю лорда Ар Шаени.

Наступила продолжительная тишина. Король сидел с задумчивою миной, о чём-то размышляя.

– Благодарю за службу, воин. Встань, – произнёс он наконец.

Согонэлэн поднялся.

– А почему же Ар Намеда гонца нам не прислал, как полагаешь? – спросил его монарх не без иронии.

– Я близко не знаком, мой государь, с бароном Ар Намедой, – почтительно со всей серьёзностью молвил Согонэлэн. – А потому могу только гадать. Однако может будет интересно. Узнать вам, что при личном разговоре. С плебеем, тем, кто фею изловил. Барон пообещал, что после свадьбы ему подарит дом и будет помогать.

Афоэнтос Первый улыбнулся.

– Узнать сие нам было интересно, – поведал он весело. – Ты молодец. Ох, этот Ар Намеда. Чтож, если он не хочет нам писать, придётся нам письмо ему отправить. С приказом удостоить нас визитом.

Лорд Триаланджи тихо рассмеялся.

– Рассказ твой удивителен, мой друг, – заметил Афоэнтос Первый. – Но слишком противоречив и частью неправдоподобен. Возможно, стоит посадить тебя в темницу, пока твои слова не подтвердятся?

Он полувопросительно воззрился на Согонэлэна.

– Приму за честь любую вашу волю, ваше величество, – смиренным тоном молвил воин. – Но если вы за дерзость не сочтёте. Я мог бы послужить вам много лучше, чем просто сидя в каменных стенах. Мне ведомо как выглядят и фея, и дурачок-плебей, её жених. Я знаю их в лицо. А потому. Уверен, что способен пригодиться, допустим, поисковому отряду, который их отправится найти.

– Чтож, может быть, – кивнул король. – Ступай пока. А мы потом решим, как поступить с тобой.

Согонэлэн раскланялся и быстро удалился. За ним закрылись двери. Афоэнтос Первый вздохнул.

– Вот неожиданность. Что думаешь об этом?

– На сумасшедшего он не похож, ваше величество, – ответил Триаланджи. – Его лорд, очевидно, ему верит, коли прислал сюда с таким посланьем. Не каждый бы рискнул,

из смельчаков. Считаю, вероятнее всего какой-то частью это правда.

– И фея существует?

– Именно так, мой государь.

– Вот почему дурак идёт и ловит, а целый орден магов ни одной никак не выловит за столько лет?

– Известно, дуракам везёт.

– Да, иногда быть мудрым плохо.

– Зато у дурака легко отнять, всё, с чем ему там повезло.

– Глаголешь истину, – улыбнулся Афоэнтос Первый. – Лорд Ар Намеда явно попытался. Отнять. И у него как будто вышло. Но оказалось, провели его. Не странно ли для юной феи?

– Ещё старуху защитила, причём дав явным образом понять, нам всем, что не желает для неё судьбы игрушки власть имущих. Она определённо не плебейка, эта фея, ваше величество, – проговорил Триаланджи. – Разумна слишком, значит обучалась. Столь прозорливы в юные года... вельмож и лордов дети в основном. Ито не все. Она умна.

– Но может феи все такие? Не так уж многое нам ведомо о них, – посетовал Афоэнтос Первый.

– Возможно так, мой государь, – согласился советник. – Мы судим по себе, не зная их. Сие даёт пространство для ошибок. Однако тут достаточно загадок и вне взаимосвязи с тем, что наши сведенья о них скудны. Первый момент, весьма неординарный, который я бы выделить хотел: жених пре-

дупредил перед рассказом, что будет тот не полностью правдив, мол, у невесты есть свои секреты. Какие тайны могут быть у феи? Поймал и всё, и что же тут скрывать?

– Да, это очень важная деталь, – разделил его мнение Афоэнтос Первый. – Благо, плебею явно всё известно. Найдём его, узнаем и в чём дело. Их обручение меня смущает. Мудрая фея и дурак-плебей. С людьми быть неприемлемо для фей. Их и монарх как пара не прельщает. Но главная загадка и проблема, это её неслыханная мощь. Имеются сомнения большие, что та у ней и правда такова. Доселе не ловились существа с могучей магией. Порой бывает, она со временем в них возрастает. Но чтобы сразу... нету прецедентов. И всё же здесь беспечности не место. Нам осмотрительность не повредит. Опасности огромные сулит источник даже добрых мощных чар, когда не ты повелеваешь ими. Война, утрата злата, иль земель. Иль части власти, или даже трона. Непредсказуемо, и всё не в нашу пользу. Нам надо эту фею разыскать, вперёд других охотников за ней, которых будет, думаю, без счёта. И знать, и маги, все пойдут искать. Необходимо лордов известить, что мы желаем общества её, а кто решит её от нас укрыть, того расценим как изменника. Но что если она всего лишь бред? Лишь вымысел иль плод хмельных видений? Окажемся посмешищем тогда.

– Никто не станет насмехаться над вами, ваше величество! – с пылом заявил Триаланджи.

– У нас нет, – признал Афоэнтос Первый. – Но в прочих

странах пожалуй будут потешаться. Хотя бы недруги. Тот же король Эндана. Не хочется в историю войти глупцом охотником за феями. Подумай, как всё лучше организовать, и к вечеру мне сообщи.

– Будет исполнено, мой государь, – почтительно заверил лорд Триаланджи.

***

В самый разгар дня Рун и Лала вышли на берег реки. Стоял зной, недавно прошёл мелкий дождик, и теперь трава блестела алмазными капельками. Дул слабый жаркий ветерок, ярко голубело небо, полностью очистившись от облаков. Солнце отражалось в воде, и оттого казалось, давало коже тепло вдвойне. Но это было приятное тепло. Всё вокруг приятно, когда счастлив.

– Какая широкая! Прямо широченная! – восхитилась Лала, глядя на расстилающийся впереди необъятный водный простор.

– Ага, – Рун обнял её сзади за талию, чуть притянув к себе. – Тут и ладьи даже плавают торговые. Довольно часто. На ладью засаду не устроишь, удобно, можно разбойных людей не бояться купцам. Не нужно много охраны. Главное, к берегу не приставать где попало. Ну и быстрее выходит, чем по дороге, если вниз по течению. Нам, правда, вверх надо. Так можно было бы на плоту попытаться сплавиться. А придётся по суше, это дольше. Пару дней займёт. Но я даже рад. Ещё

два денька ты будешь только моя.

Лала разулыбалась:

– Да я итак буду только твоя, не переживай, любимый. Придумаю я что-нибудь. Наверное. Чтоб мы обниматься могли. Я же говорила.

– Наверное? – добродушно поиронизировал он. – Уже пора бы и придумать в таком случае. Вот переправимся мы на тот берег, и там поопасней станет. Там уж можно наткнуться запросто на кого-нибудь.

– Ты имеешь в виду, на злых людей, котик? – беспокоилась Лала.

– Да хоть на каких, – пояснил Рун. – Кого не встретить, сразу разстреляют на всю округу. Что ты здесь. Все кинутся тебя искать. А найдут, толпами начнут ходить за нами. Житья не дадут никакого. И объятий, значит, никаких. Не выйдет просто.

– Ты обещал и при толпах меня обнимать, Рун, – напомнила Лала с капелькой укора.

– Да я и не отказываюсь, невеста моя дорогая, – ласково ответил он. – Но разве это будет приятно? Когда вокруг толпа зевак глазееет. И пальцами показывает. Ты испугаешься, я стушуюсь. И вместо романтических минут, которые так... согревают сердце, получим нечто несуразное.

– Пожалуй ты прав, милый, – признала Лала. – Но пока мне ничего не придумывается. Да и такое волшебство временное, слишком заранее его колдовать... не очень-то ра-

зумно.

– Может быть. Но если хоть кто-то тебя заметит... То слухи полетят, – посетовал Рун. – Не хотелось бы взбудоражить народ.

– Значит, Рун, тебе сердечко греют объятия со мной? – она полуобернулась, одарив его очаровательным приветливым ироничным взглядом.

– Я думал, нам обоим греют, – буркнул он с юмором.

Лала лишь рассмеялась негромко. А сама так и светится, так и лучится вся, переполненная чувствами приятными.

– Красиво тут, – умиротворённо молвила она.

– Ага, – усмехнулся Рун. – Особенно вот тут. Рядом со мной. Не налюбуйешься.

Лала снова тихо рассмеялась, засияв ещё ярче невинным девичьим счастьем. Повернулась к нему полностью.

– Может, Рун, мне полумужчиной обратиться попробовать? – предположила она.

– Полумужчиной?

– Ну да. Совсем мужчиной... это стыдно. Лицо лишь и одежду изменить. А под одеждой всё останется как прежде. Никто же не увидит. Мужчину вряд ли... ну... по попе шлёпнут, так ведь?

– Лала, я не буду обниматься с мужиком, уж прости, – заявил Рун слегка оторопело. – Ты что?! Да и у нас... не обнимаются у нас мужчины, как мы с тобой. Чтоб нежно. Это... фу!

– Но я ведь буду той же самой внутри, самой собой, – объяснила Лала.

– Той, да не той. Пожалей меня, – почти взмолился он. – И если мы станем так обниматься, вот уж когда народ начнёт глазеть и пальцами показывать. У нас такого не было доселе. Нигде, я думаю.

– Ладно уж, пожалею, так и быть, если ещё немножечко поддержишь, – лукаво посмотрела на него Лала.

– Ну, слава богу. Это сколько хочешь, – выдохнул он с облегчением, прижав её к себе чуть сильнее.

– Хочу денёк весь. Оставшийся. И ночечку, – не растерялась Лала.

– Ну Лала! – воскликнул Рун с упрёком. – Ты понимаешь, что мы дольше обнимались, чем шли, с тех пор как в путь отправились от замка? Нельзя же так. Я о тебе забочусь. О твоём благе. И безопасности. Давай привал на пол часа. И ночь, само собой. Пока не вышли к людям, я итак ночами... весь твой.

Лала вздохнула счастливо, изобразив разочарование:

– Во всём я подчиняюсь жениху. Как добрая невеста. Давай хоть искупаемся тогда, Рун. Жарко. И хочется вспомнить былые деньки на озерце. Соскучилась по этому.

– В рубашке моей хочешь снова поразгуливать? – улыбнулся он.

– Тебе нравилось, по-моему, когда я в неё наряжалась, – довольно заметила Лала.

– Нравилось, – кивнул Рун. – Очень. Не знаю почему. Всё тебе к лицу, солнышко моё. Во всём прекрасна.

– Говори, говори ещё, – порадовалась Лала комплименту.

– Скажу, что я согласен. Искупаться, – отозвался он. – Последний раз как будто подобная возможность у нас. Так что привал на несколько часов. Только давай сначала переправимся, ладно? А потом уж отдыхать. Мне надо силы поберечь, если вдруг плыть придётся. Вроде бы дело нехитрое, переплыть, но всё равно сил много потребует.

– Ты, Рун, собираешься эту речку переплывать? – удивилась Лала. – Такую широченную?

– А какие ещё варианты? – пожал он плечами. – Тут лодочников нет. Если сможешь колдовством помочь, помоги, разумеется без штрафов. Или если русалки здесь есть и сумеют подсобить перебраться, я только за. Но я и переплыть могу. Это небыстро, и течением отнесёт в обратную сторону от той, куда нам надо. Может на версту или на две. А так... никаких проблем.

– Настолько хорошо плаваешь?

– Не то чтобы прям хорошо, – честно признался Рун. – У нас парни в деревне есть, кто... очень быстро умеют. Я нет. Но... Я, Лала, не знаю, почему люди топнут. Это для меня воистину загадка. Если пьяны или волны большие, ещё понятно. А так... Тело-то не тонет в воде. У меня нет. Только ноги медленно уходят под воду, коли ими совсем не двигать. Я не утону точно.

Лала поглядела на него с сомнением.

– Рун, это феи не тонут. Мы лёгкими умеем делаться. А люди так не могут, это все знают. Вы тонете.

– В доспехах да. И в одежде промокшей. Но я раздеться собираюсь вообще-то и разуться, – пояснил он.

– Я всё же постараюсь тебе помочь, зайныка. Раз уж без штрафов, – Лала призадумалась. – Я сейчас очень сильная. Я могу... дать тебе способность ходить по воде. На пол часика. Только это почти всю мою магию заберёт. И есть шанс, что не выйдет. А на вторую попытку магии уже не останется.

– Малышка, мы не для того так усердно копили магию, чтобы потратить её на пустяк, который не особо-то и нужен, – улыбнулся Рун.

– Ещё накопим, – озорно произнесла Лала.

– Наверяд ли, – посетовал он. – Хотелось бы. Но если ты замуж за меня не собираешься... Не повторится это уже, красавица моя. Итак повезло, месячное свидание. Более провести целый месяц в объятьях у нас не выйдет. К сожалению.

Лала вздохнула.

– Можно попробовать заморозить водичку. Сделать дорожку изо льда, – озвучила она новый вариант.

– Правда? – заинтересовался Рун. – А это не опасно? Не провалюсь, не унесёт лёд течением?

– Не провалишься, милый. Но унести, наверное, унесёт, об этом я не подумала, – молвила Лала чуть разочарованно. – Тогда остаётся только попытаться лодочку сотворить. Одна-

ко из ничего её не сделать. Надо бы бревно найти. Дерево, упавшее в воду, идеально подошло бы.

Рун повертел головой, изучая глазами прибрежную линию.

– Тут песок везде, – поведал он. – Деревя падают, когда обрывисто у леса, берег подмывает. Откуда им здесь взяться? Да и всё равно это удача большая нужна. А срубить, у меня топора нету. Ножом не стоит и пытаться. Ты срубить магией можешь дерево?

– Феи так не поступают без основательной причины, не губят деревца, мой лвьёнок, наоборот, лечат, – объяснила Лала. – У нас и чар подобных нет, кроме защитных. Но сейчас не от чего защищаться.

– А чтоб жених не утоп, это не основательная причина? – полушутливо проронил Рун.

– Пока ничего плохого не происходит, никак такого фее не смочь, – повинилась Лала мягко.

– Ну, значит, поплыву. Тем лучше, – по-доброму посмотрел он на неё. – Магию сбережешь, славная моя невеста. Я люблю плавать. Теперь будет повод переплыть столь широкую реку. Это достаточно занятно. Я такого ещё не делал.

– Ну, хорошо, любимый, – одарила его Лала ласковой улыбкой. – Давай тогда наподольше обнимемся, раз долго не сможем потом, пока ты плыть будешь.

– Ненасытная, – усмехнулся Рун.

– А сам-то довольненький без памяти, – поиронизировала

Лала.

– Что есть то есть, – признал он беззлобно, а потом добавил доверительным тоном. – Я, Лала, уже не представляю, как это, не прижать тебя к себе целый час или два. И даже пол часа с трудом вообразить могу.

– Ну вот, скоро и узнаешь, – буркнула Лала, сияя. – В водичке. Через такую речечку о-го-го сколько плыть. Как бы не до вечера у тебя заняло.

– А ты разве не поплывёшь со мной? – изобразил он удивление.

– Нет. Феи перелетают через реки, а не переплывают, заинька.

– Жаль. Так бы словно на озере снова было. Объятия в воде.

– Лишь переправишься, пойдём купаться, и наобнимаемся вволю в водичке. Я уж подожду, – заметила Лала. – Всё лучше, чем обниматься в бурных водах, рискуя их нахлебаться или утонуть.

– Я бы тебя спас, – улыбнулся Рун. – А помнишь, вы с Мияной на плоте из рыб плыли? Нельзя тут так?

– Я же не русалочка, мой хороший, – ответила она. – Мияна с рыбками дружила. Смогла их позвать во множестве. И плотик мне сейчас не сделать из них. К тому же здесь совсем другие условия: течение, волнение. Им и в озерце тяжело было. Да и тебе будет трудно удержаться на них. За Мияну-то я хоть не боялась, что упадёт, она ведь не может утонуть.

– Понятно. Наверное это моя вина, Лала, – посетовал Рун весело. – Плохо вдохновляю, вот и не выходит у тебя магией помочь.

– Всё верно, милый, – поддакнула Лала лукавым нежным голоском. – Старайся получше.

– А вот так? – он крепче прижал её к себе.

– Так лучше, да. Сразу прям чувствую, как музы волшебства нисходят, – рассмеялась она. И вдруг её глазки заблестели. – Ох, Рун! Кажется, я всё же могу тебе помочь переправиться.

– Правда?

– Да. Только мне нужен твой котелочек. Дай мне его, пожалуйста.

– Котелок? – подивился Рун. – Как он может помочь?

– Дай мне его, котик, и я всё покажу.

Рун, заинтригованный, отстранился, достал котелок из сумки.

– Вот, держи.

Лала осмотрела котелок внимательно. Тот был закопчённый, потёртый, немного помятый. Но вполне ещё ладный. Нигде не прохудился, ровные края. Хорошая вещь. Лала положила его на каменистый песок перед собой. Рун взирал на происходящее не без внутреннего трепета, не зная, чего ожидать. К чудесам сложно привыкнуть, тем более, когда они всегда такие разные, и когда... ставят в тупик несоответствием формы и содержания. Переправа через реку и предмет ку-

хонной утвари, какая тут связь? Волшебство – необъяснимое таинство природы, самое загадочное и волнующее. Стать его свидетелем большая удача, сколько бы раз это не случилось. Все об этом мечтают: и бедняки и богачи, и плебеи и знать. Может, потому что это позволяет постичь мир с новой совершенно неизведанной стороны, может потому что даёт уход от скучной повседневности, может потому что наполняет душу ощущением приключенческого романтизма. Рун ждал, затаив дыхание. Лала одарила его тёплым ласковым взглядом. Он было хотел её обнять, чтобы ей полегче дались чары, но тут она взмахнула ручкой, ярко озарившейся синим светом. И вдруг котелок стал большим медным тазом. Диаметр шага в два, безусловно круглой формы, совсем новым, начищенным, металл аж бликовал. На физиономии Руна нарисовалось озадаченное выражение.

– Всё, – сообщила Лала, лучась улыбкой. – И даже магии мало ушло. Вдохновенно наколдовалось. Ты и в самом деле моя муза. Мой муз.

– И как это мне поможет перебраться? – в полном недоумении посмотрел на неё Рун.

– Как в лодочке, – объяснила она.

– Хочешь, чтобы я в нём плыл? – изумился он.

Лала кивнула. А сама так и сияет радостью, явно воодушевленная своим успехом.

– Лала, – проговорил Рун мягко.

– Что, суженый мой?

– Какой в этом смысл? Мне вплавь гораздо проще будет, чем в тазу. Чем я грести буду? Да и с вёслами... Я перевернусь. Или он утонет под моим весом. Спасибо конечно, но давай я лучше вплавь всё же.

– Любимый, я всё предусмотрела, – похвалилась Лала. – Целый часок твой котелочек будет непотопляемым неопрокидываемым тазиком. И он самоплавающий, повезёт тебя, ему не надо вёсел.

– Сам поплывёт к тому берегу? – спросил Рун со смесью уважения, восхищения и лёгкого недоверия.

– Сам, – подтвердила она, продолжая светиться счастьем.

– Вот так диво!

– Милый, я чуточку не знаю, всё ли вышло, – поведала Лала простосердечно. – Должно, но вдруг нет. Ты положи его в водичку, заберись и попробуй пораскачивать. Тут и узнаем.

– Ага, сейчас.

Руну и самому не терпелось проверить. То, что котелок обратился в таз, это конечно чудо, но одно дело просто таз, и совсем другое таз с волшебными свойствами. Вот что понастоящему завораживает. Он взял таз в руки, подумал-подумал, разуться ли, потом решил, да ладно, а то ещё обронишь башмаки в пути. Пусть лучше промокнут, чем босоногим остаться. Зашёл в реку по щиколотку. Положил таз на воду. Попробовал нажать рукой на край. Лала подлетела, тоже с любопытством наблюдая.

– Немного наклоняется, но мне и близко не хватает веса,

чтобы его перевернуть, – доложил Рун восторженно. – Работает, Лала!

– Как замечательно, – порадовалась она.

– Ну что, прямо сейчас плыть?

– Ну да, волшебство же лишь на час, – напомнила Лала. –

Потом уж обнимешь меня наподольше, за то что здесь так мало. И искупаемся подольше. Ты теперь время сэкономимшь на переправе. Его потратим на купание, хорошо?

– Конечно, – несколько ошалело молвил Рун, всё ещё не в силах до конца прийти в себя.

Он аккуратно забрался в таз. Тот погрузился в воду всего на треть. Держал вес прекрасно. Слегка покачивался, но был устойчив. Рун теперь уже всем телом попытался раскачивать его туда-сюда, покачнулся сам, чувствуя неуверенность в ногах, не то от колышущейся опоры под собой, не то от несоответствия происходящего тому, чего ожидает ум, не то от волнения, вызванного чудом. И счёл за лучшее сесть, благо таз был вместительный и позволял это.

– В принципе, удобно, – поделился он впечатлениями. – Не так, как в лодке, зато грести не надо. Забавно. Ну, вроде я готов. Ой, сумку забыл, ты не принесёшь?

– Сейчас, – Лала тут же упорхнула к берегу и через миг вернулась. – Вот, держи, жених мой славный. Знаешь, Рун, я в полёте очень лёгкая, мне тяжело лёгкой было бы на такое расстояние твои сумочку и одежду нести. Я бы не смогла. А так всё с тобой окажется. И я рядом полечу, буду присмат-

ривать. А если бы ты плыл, я бы не смогла быть рядом.

– Почему? – непонимающе воззрился он на неё.

– Ну как почему? – удивилась Лала. – Ты шутишь, Рун, или правда столь недогадливый? Когда ты в водичке по шею, а я не в водичке, подлети я к тебе, ты бы мне... ну... под юбочку мог... случайно заглянуть.

– А! Ну да, действительно, – согласился он. – Тогда таз вообще идеальный вариант. Странно немного, если честно. Зато сухой, с вещами, в компании невесты милой. И силы тратить не нужно. Да и интересно. Страх как! Прокатиться на самодвижущейся вещи. У нас есть сказка про телегу безлошадную. Как чародей заколдовал. Всегда казалась мне одной из самых... таинственных. Представлял в детстве в красках, что вот едет она, а впереди неё... никого. И все так и тарашатся с открытыми ртами. Но это ж сказка. А тут всё правда. Здорово!

Его глаза заблестели.

– Я рада, что смогла сделать приятное жениху, и штрафов избежать при этом, – довольно молвила Лала. – Чтож, котик, сейчас с тобой случится то, что мало с кем происходило в любых мирах. Ты прокатишься на самодвижущейся вещи. Милый тазик, пожалуйста, перевези как можно скорее моего дорогого Руна на тот бережок.

Таз сейчас же плавно сдвинулся с места, взяв направление к противоположному берегу чуть под углом против течения. Стал набирать скорость. И вскоре плыл уже столь быстро,

что Лала еле попевала. Скользил по водной глади, рассекая волны. У Руна словно пело всё внутри. Он улыбался во всю ширь рта. До этого он на лодке только плавал, но разве это сравнишь с лодкой? Опущение, будто летишь над водой. Или по воде. Вот как-то так. Упоительно и весело. Внутри аж ликование. Брызги попадают на одежду, на лицо, и, смешиваясь с ветром, освежают, приятно холодя в зной. Чудеса завораживают простого человека, одаривают особым состоянием души, исполненным воодушевления и трепета. Тем более, если связаны с движением, с быстрой ездой. Чувствуешь, что ты жив, а жизнь прекрасна. Рун обернулся к Лале, сияя физиономией, не в силах не поделиться с ней праздником, царящим на сердце. Она разулыбалась, видя его восторг.

– Не тяжело тебе, лебёдушка моя? – обеспокоился он, обратив внимание, что она часто-часто взмахивает крылышками. – А то замедли таз. Тут часа не надо. И полчаса не понадобится, по-моему. Успеем. Или лети медленнее, я тебя на берегу подожду.

– Всё хорошо, суженый мой, – заверила Лала по-доброму.

– Как бы магию не потерять, – посетовал он. – Потому что голову немного теряю. От всего. Так здорово.

– Не бойся, глупенький, от меня ты всегда более всего голову теряешь, – лукаво рассмеялась Лала. – Стоит лишь прижаться, посмотреть чуть поласковее. И всё.

– Ну, может и так, – тоже засмеялся Рун.

Таз плыл, Лала летела, с каждой минутой берег позади от-

далялся всё дальше и дальше. А противоположный словно почти и не приближался. Большая река, шириной более версты. Такие реки называют великими. Находясь на ней ощущаешь что-то особенное. Особенно, когда она часть твоей родины. Восхищаешься, испытываешь гордость, чувствуешь свою связь с ней, с этими местами. Много всего на сердце. Пусть лишь лёгкие оттенки, не столь уж и различимые на фоне двух самых сладостных состояний духа – радости от чуда и счастья от присутствия рядом девушки, которая очень дорога. Но и эти оттенки тоже согревают, добавляя очарования бытию.

– Как будто замедлился таз, – обернулся Рун к Лале.

– Да, кажется так, львёнок, – кивнула она. – Мне уже гораздо легче лететь. Уф, хоть отдышалась чуть-чуть, а то запыхалась прямо.

– Он что, ради тебя сам замедлился?

– Не знаю, – ответила Лала, капельку призадумавшись. –

По-моему он устал.

– Устал? Таз? – высказал сомнения Рун.

– Ну да. Я наверное ошиблась, – предположила Лала без доли сожаления. – Я наделила его живой сущностью вместо одушевлённости. Слишком живым сделала. Опыта не хватает мне. До встречи с тобой я ничего подобного не колдовала. Не могла просто. Всё трудно сразу предусмотреть, когда впервые колдуешь.

– Может и к лучшему, что ошиблась, голубка моя, раз тебе

теперь лететь легче, – поделился мыслью Рун. – А то иди ко мне. Поди поместимся.

– Я в этом не уверена, зайнышка, – улыбнулась Лала.

– Представь, как это романтично. Вдвоём, в тазу, в обнимочку по волнам плыть, – усмехнулся он.

Лала фыркнула со смеху.

– Боюсь, выпадешь в порыве страсти.

– Спасёшь меня.

– Нет.

– Не станешь спасать? – комично притворился он глубоко удивлённым.

– Не пойду. К тебе. Чтоб не пришлось спасать, – пояснила она, сияя весёлым личиком.

– Я думал, ты романтичная, – продолжал хохмить Рун.

Колокольчик Лалиного смеха снова зазвенел над водой.

– Это пожалуй романтично, да, – признала она. – В тазу, в обнимочку плыть. Только странно очень.

– Сестрёнки поди обзавидовались бы?

– Ужасно обзавидовались бы, Рун.

– Ну так иди.

– Нет.

– Ну вот, – изобразил он разочарование.

– Не смейся меня, Рун, а то я в водичку упаду, – попросила Лала, так и продолжая смеяться.

– Ладно, не буду. Как тебе вообще пришла в голову мысль, Лала, отправить меня в плаванье в тазу?

– Меня так мама в детстве катала, – поведала Лала. – Садилась в тазик маленькую. И в фонт... в лужице. Мне очень нравилось. Как же я соскучилась по мамочке. Прижалась бы к ней, рассказала о тебе, какой ты у меня, о свидании нашем на озерце. Обо всём-всём. Эх.

Она вздохнула.

– Ну, не горюй, красавица моя, уж я тебя утешу на берегу. Раз в таз не хочешь, – пообещал Рун, на последних словах делано опечалившись.

Лала залилась смехом.

– Ну не смейся меня, Рун – её голосок был наполнен ласковым полушутливым укором.

– Не буду, – серьёзно заверил он. – Таз совсем уже почти остановился. Еле ползёт. Если так и дальше пойдёт... За час поди всё равно доберётся. Только унесет нас река на лишние вёрсты.

Он взгляделся вдаль в сторону течения, пытаясь прикинуть, где же они в результате могут оказаться, на каком расстоянии отсюда. И вдруг стал обеспокоенным:

– Ох, Лала, там вроде бы ладья плывёт.

Лала обернулась, тоже присмотрелась.

– И правда, Рун.

– И что будем делать?

– Не знаю, мой хороший.

В этот момент таз окончательно остановился. Просто плыл теперь по течению, находясь ровно посередине реки.

– Всё, издох тазик, – констатировал Рун. – Может это и к лучшему. При такой быстроте, с которой он плыл последнюю минуту, всё равно не разминуться было с ладьёй. Пусть никто не увидит, что он самоплавающий.

– Он не издох, любимый, он просто выбился из сил. Зря я попросила его как можно быстрее доставить тебя на бережок. Он заторопился и... вот. Слишком устал.

– Надо что-то решать, малышка, – озабоченно проговорил Рун. – У нас... три варианта. Или ты меня как-то срочно вытаскиваешь отсюда магией. Или остаёшься здесь, и если тебя заметят с ладьи, а заметят тебя наверняка, то, пожалуй, поплывут к нам, и далее уже без объятий придётся обходиться. Особенно по ночам. Или...

Он замолчал.

– Или что, Рун? – огорчённо спросила Лала.

– Или ты летишь к берегу, и прячешься там, пока ладья не пройдёт, а я плыву дальше. А потом нагонишь меня.

– Я тебя не смогу магией сейчас спасти, Рун, я... когда... ну... что-то торопит... растеряна. Феи так не умеют. Надо или счастливой быть. Или в беде, чтобы на защитную магию вдохновило. Но защитная магия направлена на саму фею.

На её личике всё отчётливее проступала паника.

– Не бойся, Лала, ничего страшного, – ласково сказал Рун, пытаясь её успокоить. – Значит, первый вариант отпадает. Остаётся два. Только надо побыстрее выбирать из них. А то тебе далеко до берега лететь, если выберем третий.

– Я не хочу тебя оставлять одного, Рун. Вдруг... тонуть станешь. Спасу, – молвила она опечаленно.

– И как, если ты растерянная не можешь колдовать? – мягко поинтересовался он. – Помнишь, как в грозу я тебя снимал с дерева? У тебя не выходит в такие моменты, по-моему. А в полёте ты лёгкая, тебе мою сумку тяжело носить, значит, меня точно не вытащишь.

– Испугаюсь за тебя, тут и осенит... может быть.

– Я как бы выпадаешь-то не собираюсь. Из таза, – улыбнулся ей Рун ободряюще. – Я предлагаю тебе лететь к берегу. Если точно сумеешь меня догнать или найти потом, лучше выбрать это. Я не хочу ночами быть без тебя, чтоб ты знала.

Лала не смогла удержаться от ответной улыбки сквозь свою грусть.

– Я тоже не хочу. Никогда не хотела.

– Ну вот. Если с ладьи тебя заметят... вряд ли проплывут мимо. И всё. А так выгадаем ещё пару дней. Вдруг за них что-то придумаем, как нам обниматься. Всё какая-то надежда. Ну как я без твоих объятий стану обходиться? Это невыносимо будет.

Лала немножко повеселела. Посмотрела на него не без юмора исполненными печали очами.

– Котелочек всего час будет тазиком, зайинька, – тихо напомнила она. – Затем снова обратится котелочком. И утонет. Ты не успеешь до бережка добраться, если будешь ждать, пока ладья пройдёт. Я остаюсь.

– Милая, мне теперь так и так вплавь добираться, – возразил он. – Чем ты мне поможешь, находясь рядом? Мы же выяснили, что ничем. Лишь потеряем возможность обнять друг друга, вот и вся выгода. Лети к берегу. Я не пропаду в любом случае. Придётся куртку бросить. И сумку. Деньги я спасу, узелок с ними можно в зубах держать. Нож ещё постараюсь оставить. Башмаки мои не тяжёлые, это не сапоги, под воду не утянут. Будут сильно мешать, сброшу. Рубаху тоже я сумею снять в воде. Штаны мне точно не помешают, я в них сколько плавал на озере, они не сильно утяжеляют. Лети, Лала, времени в обрез. Ладья к нам навстречу плывёт. И мы к ней по течению. Вон как приближается. Лети. Думать более некогда. Представь, или ночечку буду согревать тебя. Или по отдельности спать. Что выбираешь?

Лала вздохнула тяжело.

– Я вдоль бережка полечу, и как ладья пройдёт, сразу к тебе. Ты не спеши плыть, мой смелый лев. Вдруг тазик отдохнёт и сможет ещё сколько-то тебя провезти. Или меня всё же на что-то осенит. Когда ладья пройдёт, легче станет думать, не так торопливо.

– Хорошо, – заверил её Рун по-доброму.

Лала уже было собралась улетать, но вдруг остановилась.

– А если тебе на помощь позвать, Рун? – озарилась она мыслью. – Пусть тебя спасут. А я спрячусь, а после прилечу, как тебя на бережок свезут.

– Солнышко моё, там важные люди какие-то. На кораблях

иные не плавают. А я крестьянин, – объяснил он. – Может и спасут, если не поймут сразу, кто я. Но я с трудом представляю, как по моей первой просьбе меня повезут на берег дворяне. Мы долго не увидимся тогда. Пока они не причалят сами, куда им надо. Нет причин меня спасать, я же не тону, и им неудобство, и нам от этого лишь. Со мной всё будет в порядке. Лети скорее, не бойся за меня. До встречи, моя красавица.

– До свидания, суженый мой, – очень тепло и чуть виновато попрощалась Лала.

Быстро взмахивая крылышками, она полетела к берегу. Рун глядел ей вслед и улыбался. А в ушах всё стояло это её «суженый мой». Слова можно говорить по-разному. Да, ласковые имена из её уст и раньше звучали для сердца музыкой. И всё же разница есть. Сейчас это было... Трогательно очень. Аж душу щемило. Когда для кого-то болезненно расставаться с тобой, тут и понимаешь особенно отчётливо, как дорог ты ей, и как она тебе. Хочется скорее воссоединиться снова, чтобы не переживала, не грустила, не боялась, а стала опять счастлива, наполнив и тебя своей невинной радостью бытия. И уже мечтаешь, уже гредишь, как встретитесь, как обнимешь её. Ну какая же она... милая. Хорошая. Рун не стал сообщать ей новость, что с потерей хода во многом утратил таз и устойчивость. Теперь всякое движение телом приводило к его раскачиванию, заставляя сидеть не шевелиться, чтобы ненароком не перевернуться. Впрочем, излиш-

ней нужды шевелится вроде бы и не было, поэтому в чём проблема? Ни в чём. Особенно, когда память всё воспроизводит и воспроизводит слова «суженый мой», и в груди горячо от этого.

Минута шла за минутой, Лала всё отдалялась, в конце концов став светлым пятнышком, затерявшимся вдали. Рун перестал беспокоиться, что её заметят. Даже если и заметят, не поймут, что это. Ладья была уже совсем близко, стремительно вырастая в размерах. Добрый корабль, относительно большой, частично даже покрашен, есть парус, правда сейчас опущенный вследствие ветра в обратную сторону, восемь вёсел – по четыре с каждой стороны, на носу резная фигура в виде головы волка, на бортах висят щиты. Корабли были и в краях Руна, но иные, не для дальних плаваний, для переправы грузов и лошадей меж берегами – без парусов, без щитов, без фигур на носах, из почерневшего от времени дерева. И даже их видеть приходилось редко, они были не в деревне, за поворотом реки. А тут эдакое диво. Деревенскому пареньку всё интересно, рассматривал с любопытством и восхищением, чувствуя себя первооткрывателем. Только сейчас Рун вдруг осознал, что он вообще-то путешествует, переживет определённые приключения. Когда ты в лесу, ну и что, это просто лес, а когда пред тобой предстаёт чудо человеческой инженерной мысли, реализованное в дереве. Которое ты не увидел бы, коли остался дома. Вот тогда только и осознаёшь. Одно лишь огорчало его в этой ситуации.

Казалось бы, столь широченная река, позволяющая надеяться проплыть вдали от встречных кораблей, без труда разминуться с ними. А ладья держала курс почти прямо на него. И надеждам никому не попасться на глаза тоже не суждено было сбыться. Его явно заметили, с дюжину людей собрались у борта. В основном воины со снятыми доспехами и шлемами, просто в кольчугах. Кроме них ещё пара мужчин в дорогих дворянских рубахах. Все тарасились. Вот он уже поравнялся с ними, борт был буквально шагах в тридцати. Хорошо различалось изумление на их физиономиях. Рун сделал невозмутимое лицо, словно происходящее для него в порядке вещей, словно плыть в тазу по фарватеру реки совершенно нормальная вещь. А что ещё остаётся? И с достоинством проследовал мимо, слегка покачиваясь на волнах. Ладья начала отдаляться, оставляя след за собой в воде. Рун было вздохнул со смесью облегчения и сожаления – ненужная но удивительная встреча закончилась, скоро исчезнет вдалеке сие судёнышко. Словно и не было ничего. А он воссоединится с милой Лалой. Как вдруг ладья стала быстро разворачиваться. У него так и похолодело внутри. Какое-то время он тешил себя надеждой, что может там передумают или это не из-за него вовсе, просто решили изменить направление. Но нет, ладья развернулась именно в его сторону, и последовала точно за ним, причём вёсла задвигались гораздо быстрее. Рун растерялся и расстроился, не зная, что делать. Ну вот, казалось бы, плывёт человек в небогатой плебейской одеж-

де, вполне себе обычный крестьянин, ну кому он нужен? Тем более, не машет руками, не взывает о помощи. Видно же, что у него всё в порядке. Вот зачем это? И ещё уставший таз. День сегодня явно не задался.

Ладья быстро нагнала его. Гребцы убрали вёсла, освободив борт. Один из воинов кинул толстую верёвку с узлами.

– Хватайся! – крикнул мужчина в рубахе. Совсем молодой, фактически парень ещё. Золотистые кудри цвета почти один в один как у Лалы. Гладко выбрит. На шее серебряная цепочка.

– Да всё нормально, не надо. Я дальше поплыву, – поросился Рун громким вежливым не очень уверенным голосом, понимая, что вряд ли его отпустят, но всё равно продолжая цепляться за надежду.

– Слушай, ты! – далее последовал целый набор не самых цензурных наименований. – Или ты сейчас влезешь сам, или мы тебя втащим, и тогда я тебе хорошенько начищу рыло. Мы за тобой должны ладью гонять? Хватайся, кому говорят! Или может хочешь стрелу в бок получить?

Делать нечего. Рун осторожно, чтобы не опрокинутся, надел сумку на плечо. Взялся обеими руками за верёвку покрепче. Подумал, надо ли захватить таз, и принял решение, что нет. Жалко безумно, котелок ценная вещь, а этот ещё и дедов, память как-никак. Но вернётся к своему обычному облику через час, и как это будешь объяснять? Верёвка натянулась, Рун вывалился из таза в воду, повиснув на ней. По-

чувствовал, как его тянут вверх.

– Э, погодите, – приказал парень в рубахе своим людям. Верёвка остановилась. Он перевёл взгляд на Руна. – Корабль свой закинь сюда.

Таз плыл рядом. Он хоть и перевернулся, но не утонул. На его днище красовалась большая причудливая искусно выполненная гравировка. Более всего она напоминала герб знатного дома, однако ничего знакомого в ней не содержалось – если она и была гербом, то знати из каких-то далёких неведомых земель. Рун схватил таз за край одной рукой, размахнулся посильнее и бросил через борт. Затем повис на верёвке. Та немедля пошла вверх, притягиваемая воинами, вскоре множество крепких мужских рук подхватили его за плечи, ещё пара мгновений, и он был уже на палубе. Осторожно поднялся на ноги, чувствуя, как с него стекает вода. Парень в рубахе стоял подле, с интересом разглядывая гравировку на лежащем неподалёку тазу.

– Ну, – произнёс он, посмотрев на Руна пристально, – расскажи нам, незнакомец. Кто ты таков, куда путь держишь, почему плыл в тазу и откуда он у тебя?

Гребцы тем временем снова налегли на вёсла. Ладья стала разворачиваться, ложась на прежний курс. Вокруг Руна столпились воины. Второй знатный мужчина в рубахе, постарше первого и одетый чуть попроще, без серебряных украшений, встал рядом с первым. Тот жестом указал ему таз, с многозначительной миной на физиономии, словно го-

воя «глянь, сколь занятная вещь».

– Я Р... Нур, – ответил Рун почтительно. – Крестьянин. Иду к родственникам через лес. Таз нашёл. Искал, на чём переправиться, деревяшку какую. А нашёл его.

– И где ты его нашёл?

– На берегу.

– И решил на нём плыть? – усмехнулся парень.

– Да, господин, – кивнул Рун. – Почему бы и нет. На чём-то же надо. Я плохо плаваю.

– Да уж! – подивился парень. – Не увидь сам, не поверил бы. Что это вообще возможно. В тазу добраться хотя бы до середины этой реки. Как же ты грёб? Ладонями?

– Нет. Я же не сумасшедший, – аккуратно заявил Рун. – Выстрогал себе палочку. Как весло. Только упустил случайно, когда уже далеко отплыл.

– А чего отказывался от помощи?

– Ну, вы же меня не повезёте на берег. Наверное. А мне надо. Я бы всё равно доплыл. Отпустите меня, пожалуйста.

– Ну что, мужики, верите ему? – обратился парень к товарищам.

– Да бог его знает, – пожал плечами один из воинов.

– Дураков в мире много, почему нет? – промолвил другой.

– Ты один здесь? – продолжил допрос парень.

Рун призадумался на мгновение: что если сказать, мол, дедушка ждёт на берегу? Обосновывая тем нужду, чтобы поскорее отпустили. Но сразу отказался от этой идеи. Вдруг

велят указать, где дед? Повезут туда. Мало ли. А дедушки нет. А вот Лала есть.

– Ну да, – подтвердил он.

– Вы это видели? – развеселился парень. – Он размышлял, чего бы соврать. Значит не один. Так кто же там с тобой?

– Никого, господин. Просто устал, потому и медленнее отвечаю, – попытался вывернуться Рун.

– И это неправда, – возразил парень. – Я знаю, как выглядят усталые люди. Что-то ты на них не похож. И остальные твои байки тоже вызывают сомнения. Ну, допустим, ты такой дурак, что решил переплывать реку в тазу. Своим глазам приходится верить. Но что, упустив весло, не хотел нашей помощи всего лишь из стремления быстрее добраться до берега, в это я никогда не поверю. Как бы ты добирался? Руками грёб? Это надо быть слабоумным.

– Я же не знаю, кто вы, боязно, господин, – вежливо пояснил Рун.

– То есть нас боязно, а в тазу без весла посреди реки нет?

Неожиданно парень выбросил кулак вперёд, нанеся удар в лицо. Не слишком сильный, но болезненный. Рун немного пошатнулся, из носа у него закапала кровь.

– Разбойничья ты морда, вот что я думаю, – спокойно поведал парень. – Добрый человек не будет избегать помощи, когда в опасности.

– Ну что, мечом по горлу и за борт? – вопросительно посмотрел на него второй дворянин. – Чего с ним возиться.

– Зачем, всё равно домой плывём, – не согласился парень. – Сдадим страже. Или сами порасспросим. У него там явно есть сообщники. Выяснить, сколько разбойного люда ошивается в округе... всегда полезно. Вот что мужики, прочтите его пока получше. Дабы понял, что врать господам нехорошо. Да свяжите потом.

– Я не разбойник, я просто... – заторопился было оправдаться Рун, пятясь от подступающих воинов, машинально весьма ловко уклонился от летящего в челюсть кулака, заблокировал кулак, направленный в грудь, с изумлением заметив, что выполнил для этого какие-то причудливые движения руками, а затем удары посыпались градом, сбив с ног, и он уже не пытался ничего делать, лишь изо всех сил прикрывал от них голову.

***

Где-то вдали мирно исполнял свою песнь сверчок. Воздух был прохладен и свеж. Рун почувствовал, как кто-то прильнул к нему, ощутил знакомое тепло девичьего тела, знакомое приятное благоухание.

– Рун, – позвала Лала негромко. – Ты спишь?

Он открыл глаза, окончательно придя в сознание. Была ночь, или скорее поздний вечер, на чёрном небе горели звёзды, на палубе мглу с трудом разгонял тусклый фонарь.

– Лала, – улыбнулся он, чувствуя боль во всём теле, но радость в душе. Обхватил её руками.

Она лишь вздохнула жалостливо, прижавшись сильнее. Рун тоже вздохнул.

– Прости меня, малышка. Подвёл тебя. Так хотел, чтобы можно было и дальше обнимать, что снова подверг опасности.

– Ну, это даже мило, – молвила Лала ласково. – Мне приятно, что тебе так хочется обнимать меня, суженый мой.

– Мне очень хочется. Всё время, – признался он. – Привык уже. Не могу без этого как будто.

– Я тоже не могу. Мой смелый лев. Устала. Сил нет. Тяжело было. Вас догонять. Хорошо, что кораблик остановился.

Только сейчас Рун заметил, что они не одни. Поодаль у борта стоял воин в доспехах, лук за спиной. Вглядывался во тьму, не обращая на них никакого внимания.

– Рун, почему ты на цепи? – спросила Лала. – И лицо... как будто в ссадинах. Что случилось?

– Приняли за разбойника, – посетовал он грустно.

– Тебя за разбойника?

– Ага.

– Рун, разбойник, это последнее, на что ты похож.

– Почём ты знаешь? – улыбнулся он. – Может по правде я душегуб. Неспроста же по лесам ошивался. Разбойники, они хитрые. Всегда притворяются невинными.

– Тогда и я разбойница, – тоже улыбнулась Лала.

– Может и не разбойница. Но моё сердце украли. Воровка точно.

– Так у нас банда, Рун? – весело поинтересовалась Лала.

– Выходит, так.

Они оба тихо рассмеялись.

– Лала, почему ты здесь, а никто и ухом не ведёт? – осведомился Рун спокойным голосом. – Ты невидимая для них? И неслышимая? Или договорилась как-то с ними?

– Я сделала себя незначимой, милый.

– Незначимой?

– Да. Так хотела к тебе. Что всё и получилось. Это сложная магия. Я и не думала, что способна на неё. Я как бы в твоей тени для всех. Чужие люди меня видят, и слышат, но я им кажусь столь не заслуживающей внимания, что им всё равно, кто я и чем занята.

– Вот это да! – изумился он. – То есть они тебя видят, знают, что чужая девушка взялась откуда-то на их ладье, причём фея, и им всё равно?

– Ну, Рун, вот пролетел светлячок, тебе разве есть дело, откуда он тут и куда направится дальше? Он для тебя незначим, совершенно, – объяснила Лала. – Так и я. Для всех сейчас. И очень надолго, между прочим. Наверное, недели на две. Или даже на три. Мы теперь сможем обниматься хоть при ком. И ночечки быть вместе. Вот.

– Да, Лала, – покачал головой Рун. – Ты великая волшебница.

– Ну, не великая. Но кое-что могу, – похвалилась она довольно. – А чья это заслуга?

– Хоть в чём-то я полезен, – порадовался он.

– Наскучалась, – произнесла Лала расслабленно. – Так хорошо с тобой.

Они замолчали. Тишину ночи снова нарушал лишь сверчок.

– А ты наскучалась по мне или по моим объятьям? – с юмором задал вопрос Рун, изображая подозрение.

– Глупенький ты, Рун, – улыбнулась Лала. – Хоть про магию не спрашиваешь, и то слава богам.

– Ну, это уже пройденный этап наших отношений, – поведал он беззлобно.

– Правда-правда? И больше не будешь упрекать меня, что я с тобой только из-за неё?

– После месяца на озере? – усмехнулся Рун. – Когда-то ты желала моих объятий только из-за магии. Я это точно знаю.

– Ну, правильно, когда ты был чужой. Чего ты хотел?

– Ничего. Просто... это... обидно было... немного. Временами. Как будто всё равно один. Нет меня, есть только магия.

– Бедненький, – поиронизировала Лала ласково. – Ты, котик, не понимаешь, ты радоваться должен, что я так нуждалась в твоей магии, что постепенно полюбила и тебя самого.

– Да я радуюсь. Очень, – сказал он с теплотой, поглаживая её по плечу. – Но всё же у тебя жестокая природа.

– Я тебе всегда это говорила. Обниматься с тем, кто не суженый, и даже с незнакомцем. Не жестоко?

– Ну да, пожалуй, – согласился он. – А если бы ты не испытывала счастья, ты бы стала обниматься со мной сейчас?

В его словах чуткая душа Лалы уловила еле различимые нотки неподдельной грусти. Она подняла голову, посмотрев на него с любовью.

– Да, – в её голоске было столько искренности, и доброты, и невыразимых чувств приятных, что у него аж отдалось горячей волной внутри. – Ну что ты, милый. И почему я не должна испытывать счастья от объятий с нежным другом?

– Ну вот, – полушутливо омрачился Рун. – Опять я друг. Ещё недавно был возлюбленным как будто.

– Нежный друг и ангельски возлюбленный это одно и то же, чтоб ты знал, – заявила Лала, разулыбавшись. – Для девушки её возлюбленный это её друг сердечный. Дело же не в слове, а какой смысл мы вкладываем в него. Как произносим, нежно или дружески. Разве я не нежна с тобой? Мой зайнышка.

И опять это прозвучало так, что отдалось у него внутри. Рун вздохнул умиротворённо.

– Нежна. Но всё равно, – буркнул он с довольной физиономией. – Мне приятнее быть возлюбленным, чем другом.

– Как это не назови, Рун, ты точно знаешь, что между нами.

– И что же?

– Что-то очень хорошее. От чего сердечку сладенько. От чего оно счастливо. У нас обоих.

Он коротко рассмеялся, ощущая переполненность чувствами светлыми в груди.

– Ну да. Всё верно.

– Освободить твою ножку от цепи, львёнок? – предложила Лала. – Кажется, я сейчас это могу.

– А что потом? За борт и уплыть? Я не уверен, что в состоянии, – озаботился Рун.

Тут воин, стоявший на карауле, обернулся, поглядел на него равнодушно, и тихо свистнул.

– Пришёл в себя, – крикнул он.

– Тащи его сюда, – раздалось снаружи.

Воин не торопясь приблизился. Наклонился к ногам Руна, какое-то время потратил, пытаясь попасть в полутьме ключом в замок, скрепляющий оковы. Лала отстранилась, поднялась.

– Не бойся, любимый, я не дам тебя в обиду, – пообещала она. – Если что, отменю заклятие незначимости и появлюсь пред ними. И ты можешь говорить со мной. Когда ты обращаешься ко мне, для людей незначимы будут любые твои слова, они их пропустят мимо ушей, словно и не слышали ничего.

– Здорово! – восхитился Рун. – Только не отменяй заклятие, Лала. Я им не доверяю. По-моему они поопаснее будут, чем те злые люди, что нападали на нас в лесу. Не отменяй, ладно?

– Если они станут тебя обижать, то отменю, – возразила

Лала. – Я сумею нас защитить, верь мне.

– Ты защищай, но не отменяя, – стоял он на своём.

– Ну хорошо, – сдалась она.

Воин отбросил цепь в сторону.

– Поднимайся, – приказал он спокойно.

Рун подчинился, чувствуя ломоту в теле. Воин схватил его за шиворот и так повёл вперёд. Довёл до борта. Ладья была причалена к берегу, от неё на песок шёл длинный дощатый трап. Чуть в стороне люд с неё, почти два десятка человек, сидели у костра, в шагах двадцати от них начинался тёмной стеною лес. Все люди в доспехах, шлемы и мечи хоть и сняты, но лежат поблизости. Оно и понятно, ночь есть ночь, плюс, в отличие от воды, суша сулит неожиданности, тут вам и хищные звери, и лихой народишко, да и нечисти порой побаиваются, коли место незнакомое. Рун взобрался на трап, осторожно пошёл вниз. Лала летела рядом, взявшись за его руку, и от этого ему было радостно и легко на душе. Прямо умилялся. Ну почему любимая девушка так меняет восприятие мира – избитый, всё болит, а настроение радужное. После расставания особенно ценишь возможность быть вместе. Ему пришлось сделать серьёзное усилие над собой, чтобы убрать улыбку с лица. А то странно будет лыбиться перед теми, кто поколотил. Неправильно поймут. Воин не пошёл вслед за ним, вернувшись на пост, так что Рун сам направился к костру, высмотрел среди людей златовласого парня, подошёл, встал подле. Парень, как и все, был в доспехах, толь-

ко в добротных дворянских, красивых, очень искусных. Лежащий подле него шлем тоже внушал уважение, у всех прочих шлема были с открытым лицом, а у него с почти полностью зарытым, похож на рыцарский, но всё же ратный, а не рыцарский.

– Ну, что? – парень зевнул. – Расскажешь нам теперь, кто ты таков, без лжи?

– Да, господин, – смиренно отозвался Рун.

– Ты разбойник?

– Нет, господин, что вы, – покачал головой Рун. – Я просто крестьянин. Правда.

– А чем докажешь, что не разбойник, – поинтересовался парень равнодушно.

– Как же это можно доказать? – удивился Рун, слегка растерявшись.

– Твоя жизнь на кону, ты и придумывай, – последовал ответ. – Не докажешь, не обессудь. Мне с тобой возиться недосуг. Или расскажи без утайки про свои разбойные дела, где логово, про сообщников. Тогда может тоже пощажу.

– Я вам расскажу всю правду, как есть, ничего не скрывая, господин, – искренне заверил Рун. – Я могу только это. Я крестьянин. Иду к родственникам через лес. К тётке. Бабуле моей сон дурной приснился про неё, вот я и вызвался сходить проверить, а то бабуля переживала сильно. Пока шёл через лес, наткнулся на двух охотников из знати. А у них беда – слуга ногу подвернул, толку от него не стало, наоборот.

И предложили они мне послужить им пока. Я и согласился, отчего бы не подзаработать. С неделю у них был, и тут мы к реке вышли. Остановились, чтобы дела все сделать: постираться, лошадей помыть. И вдруг глядь, таз чудной плавёт. Выловили его. Господа допили своё вино, какое у них ещё было, пока мы со стиркой возились. А потом давай спорить, можно ли в тазу переплыть реку. Один говорит, да запросто, а другой, что это никак не выйдет. Ну и так распорились... решили проверить, кто прав. Плыви, мне велят. А я что, дурак что ли? Отказался. Тогда они мне заплатить пообещали. Я всё равно не хотел, а они мне 15 серебра. Я плаваю-то неплохо. Думаю, такие деньжищи. Я точно не утону. Взял с них деньги заранее, понимая, что унесёт меня, и не увижу их более. Сделал палку, чем грести. И поплыл. Палку упустил случайно потом. Вот и вся история.

– Ну что, верите ему? – обратился парень к своим людям.

– В принципе... достаточно правдоподобно звучит, – произнёс кто-то

– И объясняет, откуда у него серебра столько в сумке, – заметил другой голос.

– Я был свидетелем, как два... весьма солидных человека поспорили, чья свинья быстрее бегают, посадили слуг верхом на свиней... и наперегонки, – сообщил третий, рассмеявшись.

– Ну какие ещё причины у человека плавать в тазу? – вежливо просяще проговорил Рун. – Только из-за денег, госпо-

дин мой.

– А почему отказывался от нашей помощи? – пристально посмотрел на него златокудрый парень.

– Так из-за денег, – чистосердечным тоном поведал Рун. – Я же не знал, кто вы. Вдруг бы отобрали. Вроде и понимаю умом, что на ладьях купцы, а не грабители, плавают. А всё равно страх внутри гложет. Мало ли. У меня таких деньжищ отродясь не было. Я за них готов рисковать. Да и риска-то особо никакого. Я хорошо плаваю.

– Откуда ты конкретно? Где тебя знают и могут подтвердить, кто ты?

Рун было задумался на миг, но вспомнил, чем закончились размышления в прошлый раз.

– Издалече, господин. Из земель барона Ар Намеды. В деревне у реки недалеко от его замка живу.

Все отдыхающие у костра вдруг как-то заметно оживились, переглянулись.

– Это из той, где фея была? – озадаченно задал вопрос парень.

– А вы откуда знаете про фею, господин? – удивился Рун.

– Да кто же не знает. Уж давно земля слухами полнится. Так ты оттуда, значит?

– Оттуда, господин.

– А фею видел?

– Конечно, – кивнул Рун. – Даже часто. Я буквально рядом жил от неё, через несколько домов.

Люди вокруг ещё более оживились. Кто полулежали, сел. Со всех лиц исчезли равнодушные выражения, в глазах загорелся интерес.

– А ты не врёшь ли мне? – засомневался пареньь.

– Спросите что угодно про неё. Отвечу не задумавшись ни разу, – почтительно молвил Рун. – Я же всё знаю о ней, был там. Мне сочинять не надо.

Он вдруг снял куртку, постелил рядом на песке:

– Садись, милая. Боюсь, это надолго.

Никто вокруг и бровью не повёл. Лала уселась грациозно, улыбаясь:

– Спасибо, суженый мой. Устала. Забавно. И странно очень. Я тут, а они... так внимают твоим словам обо мне. Знали бы они, да?

– Ага, – тоже улыбнулся Рун.

– Расскажи про неё. Какая она? – осведомился пареньь.

В спокойных интонациях его голоса различались, пусть и едва уловимо, нотки ни то благоговения, ни то мечтательности ребёнка, приготовившегося слушать сказку. Фея – волшебное существо и легенд. Никого она не оставляет безучастным. Ум всякого волнует.

– Девушка. Молоденькая. Лет семнадцати. Только с крыльями, – поведал Рун. – Такая добрая... Как ангел во плоти. А уж красавица, – он перевёл взгляд на Лалу, любясь на неё, и так и любовался далее, описывая. – Вот нету слов, чтоб это передать. С богиней сравнить или с Венерой? И что? Богинь

не видел никто. Никто же не поймёт. Когда она. Перед тобой, когда на неё смотришь, душа поёт и в то же время плачет. И радостно на сердце и тоскливо, что в мире есть такая красота. И хочешь, чтоб она с тобой осталась, чтоб услаждала очи целый век. Но так не будет. Оттого и грустно. Не насмотреться, не налюбоваться, захватывает дух, почти нет сил дышать. Вот до чего она собой прекрасна. А улыбается, как будто озаряет. Тебя как солнце в полдень, ослепляя. А улыбается она почти всегда. Ведь феи светлых чувств полны и счастья.

– Я тебя, Рун, очень вознагражу за это, – растроганно пообещала Лала. – Ночечкой. Ты столь красиво обо мне ещё никогда не говорил.

В глазах Руна заблестели весёлые искорки.

– У неё длинные волосы, аж до колен, пышные, а цвет в точности как у вас, господин, – продолжил он с ещё большей теплотой, так и не отрывая от неё исполненного глубокой приязнью и восхищением взгляда. – Лёгкое прелестное причудливое платье. Она меняет платья часто, наколдовывая их себе, и они совершенно разными бывают, поэтому указать конкретные детали, ну, там, узорчатость, расцветку или что-либо ещё, не выйдет. Но это всегда очаровательно, всегда ей очень идёт, и всегда из шёлка. На ножках туфельки изящные. Вот такая она.

Влюблённый юноша глаголет красноречиво. И дело не в словах, а в том, с каким горением души они поизносят-

ся. Сие доходит до сердец, тем более, когда речь ведётся о ком-то, кто итак их чрезвычайно волнует. О фее. Народ во-круг явно пробрало. Все выглядели немного ошарашенными. Ошеломлёнными.

– Вот уж не предполагал... что когда-либо буду испытывать зависть к плебею деревенскому, – молвил парень негромко.

– Я и сам себе словно завидую, господин, – кивнул Рун. – Подобное чудо узреть хоть раз удача великая. А я так наблюдал почти без счёта.

– А правда, что у неё платья коротенькие совсем? – спросил кто-то.

– Ну да, – подтвердил Рун.

– А какие именно? Докуда?

– По-разному может быть. Но обычно вот так, – Рун процертил рукой себе по ногам.

– Ого! Это считай, словно и нет ничего.

– Ну что за глупости такие, – немножко огорчилась Лала.

– Вовсе не ничего, – возразил Рун. – Просто ножки видно.

Это с непривычки может показаться, у нас же до земли всё носят дамы. Поэтому у кого не до земли, то тут и чудится, будто... чуть ли не раздета. У фей нравы невиннее, чем у нас. Их мужчины от зрелища ног женских не начинают думать о недостойном. А феям летать неудобно в длинных юбках. Я до того, как фея к нам явилась, ног дамских и не видел особо. Ну, в детстве может. Уж забыл. Оказывается,

это очень красиво. У фей, во всяком случае. Прямо какое-то искусное творение богов. Казалось бы всего лишь ножки. А тоже глаз не отвести, так красиво.

Лала, улыбнулась, выставила ножки, глядя на него с лукавой иронией. А сама так и сияет. Он покачал головой, изображая шутливое осуждение:

– Ты нехорошая. Я-то не ваш мужчина. Смотри, начну думать мысли недостойные.

– А ты умеешь их думать, зайнышка? – рассмеялась Лала.

– Ну... я не знаю, о чём надо думать, чтоб было недостойно. Хотеть к ним прикоснуться, это недостойно?

Лала перестала улыбаться.

– Пожалуй да, Рун, – сказала она серьёзно.

– Я не прикоснусь ни за что, лебёдушка моя, ты же знаешь, – поспешил оправдаться он ласково. – Просто они красивые, как и всё в тебе. К красивому хочется иногда прикоснуться.

– Ну ладно, – Лала снова засияла, успокоившись.

– Садись что ли, – пригласил его к костру златокудрый парень.

Рун опустил на песок. Устроился поудобнее, чтобы чувствовать минимально боль где-либо в теле.

– Есть хочешь?

Ему тут же протянули кусок мяса и ломоть хлеба.

– Нет, спасибо, – сдержанно отказался он.

– Да не тушуйся, угощайся, – слегка усмехнулся парень.

– Рун, ты кушай мясо, я не расстроюсь, ни капельки, – заверила Лала по-доброму. – Даже наоборот, буду рада за тебя.

– Тогда держи хоть хлеб, – он отдал ей ломоть.

– Кушать очень хочется, – призналась Лала. – И по хлебushку соскучилась.

Рун с упоением принялся за мясо. Столь увлёкся, что на время перестал ощущать ноющие отзвуки побоев. Всё же почитай полтора месяца без мясного. Охотнику это не привычно. Да, компания любимой девушки достойная награда, чтобы обходиться, но всё равно хочется. Очень. Лала поглядывала на него приветливо, с удовольствием откусывая хлеб помаленьку. Она и правда совсем не казалась огорчённой.

– А ты какие-нибудь чудеса её видел? – поинтересовался парень.

– Конечно, – кивнул Рун. – Перво-наперво, козу говорящую.

– И слышал, как она говорит?

– Ну да, соседи ж. Видел и слышал. Совершенно разумно разговаривала коза. Могла беседу вести и на вопросы отвечать. Потом видел, как фея сотворила дорожку из светящихся цветов. Длинную предлинную. А цветы всё причудливые какие-то, у нас таких не растёт. Видел, как у деток появились её колдовством яички на руках, а из яичек разные существа забавные вылупились, и ну давай танцевать, да так лихо, так весело. Прямо отплясывали у малышей на ладошках. Видел

дом как исправила фея, тот в котором жила. Был кривой покосившийся, стал ровнѐхонек. Видел обстановку в доме. Была бедненькая, стала богатая, даже у барона не такая богатая, как во избе крестьянской. И тоже причудливая, всё резное, всё расшитое и расписанное узорами дивными. Я много всего видел. Много чудес.

– Да, – выдохнул парень задумчиво. – Ты счастливчик. Нам в общем-то тоже повезло встретить тебя. О фее много болтают нынче. Все кому не лень. Да вот из тех, кто болтает, сам не видывал её никто.

– У нас, господин, в наших краях, все её видели, пожалуй. И в деревне, и в городе кто живѐт. И в замке, – поведал Рун. – Свидетелей не счесть. Наверное, тысячи. Потому не сомневайтесь, фея есть. Была. Это всё правда.

– Говорят, фея клады ищет. Много золота нашла. Сундук слитками жених её набил целый. Гном ей помогает в розыске, – полувопросительно молвил кто-то.

– Я про историю с кладом знаю всё, – сообщил Рун не без лёгких интонаций хвастовства, причѐм добавил оные в голос абсолютно намеренно, почувствовав по наитию, что так выйдет правдоподобней. Ведь тому, кому нечего скрывать, приятно ощущать себя столь сведущим в подобных поразительных делах, как и демонстрировать свою просвещѐнность другим. – Гнома я не видел, но да, был он, это известно. А про сундук со слитками, это враньѐ. Феи не берут чужого, а клад, это чужое, кто его спрятал, тому он и принадлежит.

Фея помогла отыскать клад старого мельника его родне. Он спрятал и помер потом. У них не получилось самим найти. А она им помогла. Других кладов она не искала.

– А мне-то монах так уверено заливал про сундук, – покачал головой воин. – Вот брехун!

– Слухи на то и слухи, чтобы преувеличивать всё, – поделился мудростью златокудрый парень. – Кто от жадности приплюсует в воображении, кто от зависти приврёт. Не даром же лорд Ар Намеда специально развенчивал слухи про фею. Завистлив народишко. Подл. Даже феи не смущается.

– Что за развенчивание слухов, Рун? – заинтересовалась Лала. – Ты не спросишь?

– Я про развенчивание бароном слухов ничего не знаю, господин, я наверное до того из деревни ушёл, – произнёс Рун вежливо. – Может мне кто-нибудь расскажет об этом?

– Говорят, лорд Ар Намеда послал своих людей на городскую площадь сделать от его имени объявление, – охотно отозвался один из воинов. – Он объявил, что были те, кто распускали злые слухи, заведомо лживые, о том, будто жених феи колотит её. Дабы его возненавидели и заставили расстаться с ней. Завистники это делали. Барон нашёл и наказал их. Провёл расследование, и выяснилось точно. Не бил её жених. Совсем. Вот так. Считается, фея именно поэтому покинула земли Ар Намеды. Из-за того, что её жениха народ невзлюбил незаслуженно.

– Какие вы, люди, всё же... необычные, – грустно замети-

ла Лала. – В вас уживается и дурное, и хорошее. Так обидел меня лорд Энвордриано. И вот, столь благородный поступок ради меня совершил бескорыстно. Развеял слух несправедливый. Я более не обижена на него. Совсем. Даже жаль уже, что наказывала.

– А вы меня теперь отпустите? – осведомился Рун с осторожной надеждой и смирением.

– Да, – кивнул парень спокойно. – Раз ты не разбойник. Зачем ты нам? И твоё серебро тебе вернём, не переживай.

– Спасибо, господин. Тогда я завтра с утрачка. Уйду.

– Не держи на нас зла, – сказал парень. – Сам виноват. Не ври больше. Добрым людям. Будет тебе впредь наука.

– Наверное вы правы, сам и виноват, господин, – признал Рун. – Только я же не знаю, кого встречаю. Незнакомые воины. Боязно.

– Просто ты глуповат, – просветил его парень. – Глаза-то есть, видишь, к кому попал. Не разбойники поди. И если уж попал, не смог избежать встречи, так отвечай как на духу, иначе... плохо это могло для тебя кончиться. Повезло тебе. Врать плебею в лицо знатному человеку это... дерзость великая. Но ты как будто получил свою расплату за неё. Сполна.

– Спасибо за науку, и что отпускаете, господин, – почтительно молвил Рун.

***

Очень рано с утра Рун и Лала отправились в путь. Лала еле поднялась, не просыпалась долго, но Рун был настойчив. Опасное соседство, как ни крути. Плюс, имелась пара проблем. Первая – с него ещё вчера от объятий исчезла вся кровь, снова как всегда сиял чистотой. В ночи не обратили внимания воины на это, однако при свете дня могли и обратить. Лучше уйти, пока лишь часовые не спят. Всё меньше шансов, что заметят. Другой проблемой был таз, который теперь стал котелком. И это была проблемница. И котелок жалко бросить, и таз нельзя оставить, нужно, чтобы все думали, будто забрал, а то хватятся потом – ведь вещь причудливая, да и дорогая, всё равно же вспомнят о ней. А её нет. Рун поделился своими тревогами с Лалой, и она тут же придумала, как быть. При подъёме на ладью она летела впереди него, прикрывая его собой, создавала из себя препятствие, дабы стоящий на палубе часовой не мог разглядеть его одежду. И уже взойдя на борт, старательно продолжала так делать. А когда часовой указал, где их вещи, быстро полетела туда и взяла всё сама. Взяла, повернулась спиной, держа их впереди себя, закрывая своим телом теперь уже их. Возвратилась к Руну и часовому, пятясь задом, и снова заняла позицию между ними. Рун аж вспотел от волнения, но всё прошло гладко. И вот, вскоре они уже были в лесу. Передвигались меж деревьев под жизнелюбивые переключки пичуг, ощущая привычные запахи хвои, листья, мхов, травы, держась за руки. Лишь сейчас Рун более-менее успокоился. Всё

равно немного переживал, вдруг как догонят. Может передумают отпускать, может решат, что обокрал. Мало ли. Второй раз вкусить гостеприимства людей с ладьи ему совсем не хотелось. Поэтому шёл относительно бодро, несмотря на боль, которая сегодня ощущалась куда как сильнее. Вчера вроде было ещё терпимо, а тут с утра прямо во всём теле отдаётся, на любое движение. Везде ноет. Он старался расслабиться и не обращать внимания. Ноющую боль легче переносить, чем острую. И всё же она замедляла, и мешала тоже. Ещё Руна тяготило, что Лала не поела. Все прошлые их утра начинались с завтрака, а ныне пришлось вынужденно нарушить традиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.